Совет Двенадцати

Автор:
Александр Рудазов

Совет Двенадцати

Александр Валентинович Рудазов

Архимаг #7

До войны с Лэнгом остается все меньше времени. В Серой Земле собирается великая армия и создается могучее оружие. Креол Разрушитель встал во главе Совета Двенадцати и подготавливает вторжение в мир демонов. Ему помогают лучший друг-архимаг, древний колдун-призрак, Генерал Серебряных Рыцарей, великий полководец-эйнхерий, гениальный плонетский ученый и, разумеется, преданная ученица. Совет Двенадцати уже полностью укомплектован, и каждый в нем готов исполнить свой долг.

Это последнее затишье перед бурей. Последний период мира и спокойствия. Что будет дальше… время покажет.

Александр Рудазов

Совет Двенадцати

Пролог

Ранним утром одиннадцатого сентября 7145 года на пристани острова Кульзя стоял колдун в голубом плаще. На горизонте уже показалась курьерская альдарея из Серой Земли.

Последние сто лет этот маленький каменистый остров в восьмице пути от метрополии использовался для каторжных работ. Сюда ссылали тех, чья вина слишком мала для смертной казни или заточения в Промонцери Хилери. В основном это неблагонадежные подданные – уличенные в связях с иностранцами, приверженцы нектулхуистских религий, уклоняющиеся от военной службы… да мало ли найдется причин, чтобы отправить человека на каторгу?

Хотя с некоторых пор поток ссыльных заметно уменьшился. В Иххарии построили портал в Лэнг, и большую часть неблагонадежных стали отправлять туда. Демоны всегда найдут применение человеческому материалу.

А два месяца назад альдареи с каторжниками перестали приходить совсем. В Серой Земле произошел переворот, и государственная политика круто переменилась. Подробности до сих пор неизвестны – на Кульзю новости приходят с большим запозданием, до живущих здесь никому нет дела.

Гаймордос Пердун тоскливо вздохнул. У него на редкость паршивое прозвище. Да и сама его жизнь на редкость паршива. Шестьдесят восемь лет, а на плечах до сих пор голубой плащ. Скорее всего, выше он уже не поднимется. Должность коменданта Кульзи – его личный потолок, и следует радоваться, что он достиг хотя бы этого.

К Гаймордосу подошла Саркапетлава Попрыгунья – как всегда, веселая и беззаботная. Ничего, она еще поймет, в какую дыру угодила. Саркапетлава получила фиолетовый плащ только в этом году, а должность заместителя коменданта – три месяца назад. Она пока еще думает, что это все временно, что через несколько месяцев ее ждет синий плащ, а вместе с ним повышение, перевод в местечко получше… Гаймордос тоже так думал, когда впервые ступил на берег Кульзи.

С тех пор прошло сорок лет.

– Вы знаете, кто сегодня приедет, повелитель Гаймордос? – прощебетала юная колдунья.

– Мне не сообщили, – мрачно ответил ее начальник. – Велели только подготовить дела всех ссыльных.

– Всех-всех? А мы успеем? Их же так много!

– У меня уже все готово, – снисходительно посмотрел на заместительницу Гаймордос.

– Правда? Все-все?

Гаймордос ничего не ответил. Эта пустоголовая девчонка уже три месяца на острове, а до сих пор понятия не имеет, как здесь все функционирует. Да он не особо-то и стремился ее во что-либо посвящать – зачем? Достаточно поговорить с Саркапетлавой пять минут, чтобы уразуметь, насколько та глупа. С трудом верится, что она смогла сдать выпускные экзамены. Не иначе воспользовалась своими… способностями.

Альдарея «Дикарь» пришвартовалась на том же месте, что и десятки предыдущих раз. Это тяжелое круглобокое судно ежемесячно доставляло на остров припасы и каторжников, а забирало очередную партию гранита и немногочисленных амнистированных.

Гаймордос ожидал увидеть на борту собрата-колдуна. Иххарийского ревизора или, если Ктулху увидел приятный сон, своего сменщика. В конце концов, он прозябает в этой дыре уже сорок проклятых лет – и за все это время не давал ни малейшего повода к нареканиям. Неужели он до сих пор не заслуживает повышения?! Сойдет любая должность, лишь бы подальше от Кульзи!

Однако по трапу сошел некто очень странный. Молодой статный мужчина, с ног до головы закованный в доспехи из серебристого металла, с длинным мечом за спиной. Гаймордос и Саркапетлава ужасно растерялись при виде этой фигуры – неужели на Серой Земле все изменилось до такой степени, что колдуны стали носить доспехи? Или это вообще не колдун… но тогда все становится еще более непонятным.

– Да хранит вас Пречистая Дева в это утро, – кивнул паладин, подходя ближе. – Мое имя лод Бетох, я прибыл с поручением от Совета Двенадцати и лично святого Креола.

– А… – замялся Гаймордос. – Я… Я Гаймордос Пердун, комендант этого острова… приветствую вас…

– Ктулху фхтагн, повелитель Бетох! – радостно прощебетала Саркапетлава, делая книксен. – Меня зовут Саркапетлава Попрыгунья, и мне очень, ну просто очень приятно с вами познакомиться! Вы женаты?

– Как я понимаю, вы здесь не в курсе изменений, произошедших на вашей родине? – предположил лод Бетох, пропуская мимо ушей вопрос колдуньи.

– Мне сообщали, но только в общих чертах… – поморщился Гаймордос. – У нас тут такое захолустье, что… ну, сами видите.

– Вижу, – согласился паладин.

Городок, представший его взору, напоминал дряхлого, погруженного в крепкую спячку медведя. Едва ли сотня зданий, разбитые мостовые и ни души кругом. Кроме прибывшей только что альдареи в крохотном порту стоят лишь два утлых рыбацких суденышка и ветхий сторожевой бриг.

– Простите мое любопытство, сударь Гаймордос, но не раскроете ли вы мне – отчего у вас такое прозвище? – поинтересовался лод Бетох. – Вероятно, вы специалист по ядовитым газам или…

– Нет, просто у меня метеоризм, – равнодушно ответил Гаймордос. – Неизлечимый. И это одна из причин, почему мне досталась такая паршивая должность.

– Сочувствую. А прозвище вашей очаровательной коллеги очевидно связано с…

– Саркапетлава, пройдись-ка вдоль пирса, – попросил Гаймордос.

Молодая колдунья послушно исполнила распоряжение. Глаза ее начальника и прибывшего паладина невольно заходили вверх-вниз – в такт подпрыгивающим…

– Да, теперь я понял, – задумчиво кивнул лод Бетох.

– Она увеличила их колдовством, – негромко сказал ему Гаймордос.

– Не знал, что колдовство способно на подобные вещи. Однако давайте перейдем к делу. Я уполномочен провести у вас здесь ревизию, просмотреть дела ссыльных, а также подготовить амнистию.

– Кого конкретно будут амнистировать?

– Судя по тем инструкциям, что я получил… почти всех.

– Почти всех?! Но их же тут тысячи!

– Как я уже сказал, в Серой Земле произошли изменения. Очень большие изменения.

Глава 1

Ванесса Ли сладко зевнула и принялась неохотно разлеплять глаза. Сначала левый, потом правый. Пока она раскрывала правый, левый опять закрылся, желая урвать еще хоть секундочку дремы.

Прошло две томительных минуты, прежде чем Ванесса наконец рассталась со сном окончательно. Они прибыли с Плонета поздно вечером, а потом до глубокой ночи праздновали возвращение. Хотя можно ли назвать возвращением прибытие туда, где ты до этого ни разу не был? До вчерашнего дня ни Креол, ни Ванесса, ни лод Гвэйдеон не бывали в Иххарии – да и вообще на Серой Земле.

Сбросив одеяло и спустив ноги на пол, Вон принялась рассматривать комнату. Вот они какие – ее личные апартаменты в Промонцери Царука. Вчерашняя вечеринка происходила не здесь, а в коцебу, под крылом заботливого Хуберта, поэтому дворец серых властителей Ванесса пока еще толком не видела.

Первоначально они с Креолом вообще собирались ночевать в своем уютном летающем особняке, но уже к концу праздника кому-то ударило в голову, что надо немедленно отправиться в Промонцери Царука и принять бразды правления.

Ванесса не помнила, кому именно пришла эта мысль, но очень надеялась, что Креолу.

В любом случае после того момента она не помнила уже ничего вообще. Все-таки выпито было порядочно. Хорошо хоть, что она проснулась в своей опочивальне, а не где-нибудь еще. Судя по тому, что Креола рядом нет, он тоже сейчас в своей опочивальне.

Или где-нибудь еще.

Апартаменты Ванессе достались поистине роскошные. Очень просторная комната с мраморным полом, накрытым пышным ковром. Одну стену занимает большое окно, выходящее на главную городскую площадь, на другой громадный шелковый гобелен. Рядом восьмиугольный стол из розового мрамора с белыми прожилками, чуть дальше – массивный платяной шкаф с зеркальной стенкой, покрытый резьбой сервант и невысокий открытый буфет, заставленный драгоценным хрусталем и фарфором, серебряной посудой, бронзовыми статуэтками.

А уж кровать! Невероятных размеров и тяжести, предназначенная словно для приземления самолетов, а не спокойного ночного сна. Каждая деревянная деталь покрыта резьбой так обильно, что нетронутые места приходится искать с лупой, да и то не факт, что найдешь. В изголовье специальные ниши для свечей – судя по оплывшим огаркам, они горели всю ночь. Ножки очень толстые и неуклюжие, с тяжелыми утолщениями в виде луковицы – к ним прикреплен шелковый балдахин, покрытый искусной аппликацией.

На этом великанском ложе поместилось бы пять-шесть таких девушек, как Ванесса.

Маленькая дверь слева вела в умывальную комнату. Там Вон обнаружила ночной горшок, мраморную ванну и раковину для умывания. Вода лилась не из крана, а из небольшого фонтанчика – достаточно было подставить руки, чтобы их

окатило прохладной струей. Вряд ли на Рари уже изобрели сенсорные элементы, так что это явно магия. Опустив голову в раковину и прижавшись щекой к холодному кафелю, Ванесса снова вспомнила вчерашний праздник.

Он вполне удался.

Возле раковины висело удивительно мягкое полотенце, на полочке сбоку лежал брусок душистого мыла и деревянная шкатулка с зубным порошком. Однако никаких зубных щеток. Немного поискав, Ванесса решила отложить чистку зубов, пока не разживется щеткой, и последний раз ополоснула лицо.

Вытираясь на ходу, Вон раскрыла платяной шкаф и принялась с интересом рассматривать свой гардероб. Почти все платья пошиты совсем недавно, выглядят очень миленько. И серые плащи, конечно – целых восемь экземпляров. Одного и того же фасона, почти одинаковые, но все же чуть-чуть различающиеся – для теплой погоды, для холодной, будничный, торжественный…

Честно говоря, Ванесса по-прежнему чувствовала себя неловко, надевая эту колдовскую униформу. Как-то неприятно носить одежду, которая еще недавно ассоциировалась с врагом. Но здесь такие традиции – для колдунов цвет плаща означает то же, что для военных звездочки на погонах. И если уж ей по статусу положен генеральский мундир, будет глупо его не носить.

Зеркало отразило миловидную двадцатипятилетнюю женщину с азиатскими чертами, одетую в неброское темное платье и серый плащ, означающий принадлежность к Совету Двенадцати. Ванесса улыбнулась своему отражению и осталась вполне удовлетворенной. Застегнув на поясе ремень с кобурой, она почувствовала себя совершенно собранной.

В дверь негромко постучали.

– Войдите! – крикнула Ванесса, проверяя, легко ли извлекается из кобуры «Беретта».

В комнату деликатно протиснулся хрупкий старичок в желтом плаще. Седой, морщинистый, с аккуратно уложенными волосами, завитыми в три идеальные кудряшки с каждой стороны. Несмотря на преклонный возраст, он отличался

великолепной выправкой, хотя и помогал себе при ходьбе тростью.

– Доброе утро, повелительница Ванесса, – почтительно поклонился старик. – Я еще не имел чести вам представиться – меня зовут Ропер Чистящий, я дворецкий, камергер и главный управляющий Промонцери Царука, занимаю эту должность уже больше двадцати лет. Поскольку вы впервые в нашей цитадели, я хотел бы спросить, не могу ли чем-нибудь вам помочь.

– Да, вы очень кстати, – задумчиво кивнула Вон. – У меня к вам три… да, три вопроса.

– Я весь внимание, повелительница.

– Первое – где сейчас мой жених?

– Владыка Креол все еще почивает.

– И где именно он почивает?

– В нескольких шагах от вас, повелительница. Разрешите, я покажу.

Ропер Чистящий на цыпочках прошагал к гобелену и отдернул неприметную занавесочку, которую Ванесса до этого не замечала – она совершенно сливалась с фоном. За ней обнаружилась маленькая дверца – от силы пяти футов высотой. Вон с любопытством открыла ее и попала в крохотный темный коридорчик – в конце него виднелась еще одна дверца.

– Креол там? – уточнила девушка.

– Совершенно верно. Владыка Креол спит в опочивальне, принадлежавшей покойному Искашмиру Молнии.

– Вот как?.. А эта комната, значит…

– В вашей опочивальне когда-то жила покойная Руаха Карга, – закончил Ропер.

– Надо же… – с новым интересом осмотрела комнату Ванесса. – И долго она тут жила?

– Очень долго. Владыка Искашмир и повелительница Руаха заняли эти опочивальни сразу после свадьбы – именно тогда между ними и был проделан проход. Однако овдовев, повелительница Руаха больше не хотела здесь жить, а потому переехала в другую опочивальню, в противоположном крыле цитадели. Последние двадцать два года эта опочивальня пустовала. Мы только в прошлом месяце начали готовить ее для новой хозяйки… вас, повелительница.

– А почему вы решили заселить меня именно сюда?

– Это решал не я, повелительница. Соответствующее распоряжение отдал владыка Тивилдорм.

– А. Ну… спасибо ему. Кстати, Ропер… повелитель Ропер, так положено?..

– Что вы, ни в коем случае! – ужаснулся дворецкий. – Повелительница, я же всего лишь желтый плащ! Серые плащи даже друг друга называют «повелителями» только по желанию, если хотят выказать уважение. Обращаться же так к нижестоящим плащам ни в коем случае не следует!

– Почему? Это запрещено?

– Нет, конечно, не запрещено, но… проводя аналогию с другими странами, это будет все равно как если король станет кланяться своим подданным. Вы – серый плащ, повелительница, над вами нет повелителей. Лишь к владыке Креолу и владыке Тивилдорму вы должны обращаться официально, ибо первый из них – действующий глава Совета, а второй был главой Совета прежде.

– Ничего, перебьются, – фыркнула Ванесса.

Ропер Чистящий покорно поклонился, хотя про себя подумал, что владыке Тивилдорму это не понравится. Насчет владыки Креола он пока не мог сказать того же самого, ибо видел его лишь вчера – в обнимку с повелителем Шамшуддином, горланящего шумерскую песню. Потом владыка Креол рухнул на кровать, грязно выругался, швырнул в Ропера сапог (не попал) и громко

захрапел.

– Хорошо, Креол пусть пока спит… – задумалась Ванесса. – Второй вопрос – где тут можно достать зубную щетку?

– Зубную щетку, повелительница?.. – с непониманием переспросил Ропер.

– Ну да. Обычную зубную щетку. И зубная нить бы не помешала.

– К сожалению, я не знаю, что это такое. Но если вы мне расскажете, я постараюсь исполнить ваше желание.

Ванесса немного удивилась, но все же объяснила в двух словах, что зубная щетка – это такое приспособление для чистки зубов. В конце концов, зубной порошок же здесь есть!

Дворецкий согласился, что описанная повелительницей щетка действительно должна быть весьма удобным и полезным устройством, однако в Серой Земле такие не в ходу. А зубы здесь чистят попросту пальцем – его сначала нужно облизать, потом обмакнуть в порошок, а затем тереть зубы, стараясь при этом не касаться десен. После чистки рот споласкивают водой или вином, а затем промокают полотенцем.

Ванессе это показалось ужасно непродуктивным, и она попросила послать кого-нибудь в коцебу за щеткой. И вообще взяла на заметку – наладить в Серой Земле соответствующее производство. Негигиенично же.

– Зато хотя бы зубной порошок у вас есть, – отметила Ванесса. – Уже неплохо.

– О да, у нас отличный зубной порошок, – согласился Ропер. – Его делают из жженых меда и соли, кожуры граната, красных цветков персика и большого количества сахара.

– Из сахара?! – ужаснулась Ванесса. – Но ведь тогда он должен разрушать эмаль!

– Зато вкус очень приятный.

– Не уверена, что меня это устраивает.

– В таком случае я могу предложить вам другой порошок, – сделал магический пасс дворецкий. У него на ладони материализовалась круглая коробочка. – Из обожженных ветвей розмарина, смешанных с жжеными квасцами. Он не так приятен на вкус, зато…

– Да, я предпочту этот… или нет, лучше я предпочту нашу зубную пасту, с Земли. Ее тоже принесите из коцебу, о’кей?

– Как вам будет угодно, повелительница, – поклонился дворецкий. – Насколько я помню, у вас был еще и третий вопрос?

– Да. Во сколько здесь завтракают?

– Завтракают, повелительница? – приподнял брови Ропер. – В Серой Земле не принято завтракать.

– То есть как?

– Благородные колдуны едят дважды в день, но плотно. Обед будет подан в полдень, ужин – на закате.

– А сколько раз едят простолюдины?

– Об их режиме питания говорить бессмысленно, повелительница. Они едят, когда у них есть еда.

– Не позавидуешь. Но как же это – без завтрака? Может, хотя бы пару тостов можно где-нибудь перехватить? Я сейчас бегемота съесть могу!

– Но до полудня осталось всего полчаса, повелительница.

Ванесса посмотрела на часы и удивленно присвистнула. Действительно, уже половина двенадцатого – а она и не заметила, что так заспалась. Хотя ничего удивительного – спать-то они легли… во сколько? В половине пятого, кажется, если не еще позже.

– Хорошо, тогда проводите меня в столовую.

– Как вам будет угодно, повелительница. Но если это не покажется слишком дерзким, у меня есть к вам небольшая просьба.

– Никаких проблем, – проявила отзывчивость Ванесса. – Что конкретно?

– Не могли бы вы разбудить владыку Креола? Если он не поспешит, то опоздает к обеду, и владыка Тивилдорм будет недоволен. Он запланировал на послеобеденное время приветственную церемонию.

– О’кей, сейчас я его растолкаю. А почему вы сами не…

– Укладываясь почивать, владыка Креол пообещал испепелить меня, если я потревожу его покой.

Разбудить Креола оказалось нелегким делом даже для Ванессы. На какой-то миг ей показалось, что он вновь впал в ту магическую кому, в которой пролежал пять тысяч лет. Однако в конце концов шумерский архимаг все же соизволил разомкнуть очи.

Первым делом он исполнил ритуал снятия похмелья – глядя на это, Вон порадовалась, что не перебарщивала вчера со спиртным. В отличие от Креола, она пила только легкий геремиадский рислинг – очень мягкий, почти не оставляющий последствий.

– Прошу сюда, владыка, – поклонился Ропер Чистящий, открывая перед Креолом дверь. – Столовая Совета Двенадцати расположена двумя этажами ниже, в зале Бозеса.

– Кто такой этот Бозес? – брюзгливо спросил Креол.

– Бозес Победитель, один из величайших колдунов в истории Серой Земли, глава Совета Двенадцати с 6247 по 6302 годы. Можно сказать, что при нем Промонцери Царука и был возведен.

– Так при нем или не при нем? – не понял Креол. – Что значит «можно сказать»?

– Промонцери Царука начали строить при Бозесе Победителе, однако закончили уже при его преемнице – Солоквизде Истории.

– Во главе Совета Двенадцати были женщины? – оживилась Ванесса.

– Разумеется, были. Всем памятны такие великие владычицы, как Солоквизда История, Гонитва Война, Хеттазо Природа, Хонни Чудесная, Садкаличета Мысль…

– А вот в нашей Гильдии женщины никогда не становились Верховными Магами, – заметил Креол.

– Неужели не было ни одной подходящей? – удивилась Ванесса.

– Это же женщины, – снисходительно посмотрел на нее Креол. – Женщина по определению глупее мужчины. Раз этак в десять.

– Сказала бы я тебе, кто ты есть…

– Я и сам знаю, кто я есть. Я Верховный Маг.

Подходя к дверям столовой, Креол и Ванесса встретились с худощавой колдуньей в красном плаще. Лет сорока на вид, сухопарая, остроносая, с близко посаженными глазами. Эту женщину нельзя было назвать красивой, однако в ней все же чувствовался определенный шарм. При виде двух серых плащей она склонила голову, отступая к стене.

Креол прошел, как мимо пустого места. А вот Ванесса задержалась. Она все еще чувствовала внутри себя обиду, и ей хотелось пообщаться с другой женщиной в колдовском плаще. Тем более, что плащ у этой особы красный – а значит, это должна быть могущественная колдунья. Гораздо, гораздо более могущественная, чем сама Ванесса.

Впрочем, она-то пока что уступает даже фиолетовым плащам. Странно ожидать большего, не проучившись и одного года.

– Могу ли я чем-то вам помочь, повелительница? – хриплым, словно прокуренным голосом спросила колдунья.

– Да нет… Просто мы ведь еще не знакомы… как вас зовут?

– Я Делиль Ураган. А вы Ванесса Внезапная, верно?

– Мне не нравится это прозвище. Вы занимаетесь аэромантией, Делиль?

– Я сильнейший аэромант Серой Земли, – равнодушно ответила колдунья. Чувствовалось, что в ее словах нет хвастовства – просто констатация факта.

– О-о!.. Это весьма… впечатляет, – закивала Ванесса, очень надеясь, что Делиль не спросит, чем занимается она сама.

Однако та не спросила. Выжидающе глядя на собеседницу, колдунья просто молча стояла, явно не испытывая интереса к разговору. Ванесса помялась, чувствуя неловкость, и уже хотела было распрощаться, как из дверей столовой вылетел рослый серокожий юноша в офицерской форме.

– Хозяин велел, чтобы я… – начал было он, но заметил Делиль и расплылся в похотливой улыбке. – Здра-а-авствуйте!.. Крошка, у тебя глаза…

– Что с ними? – с беспокойством коснулась века Делиль.

– …очень красивые. Я в них просто утопаю!

– Я не имею чести быть с вами знакомой, – равнодушно глянула на юнца колдунья. – Могу ли я идти, повелительница Ванесса?

– Да-да, безусловно…

– В таком случае прошу меня извинить.

Делиль Ураган коротко поклонилась и направилась прочь. Однако ее воздыхатель не пожелал просто с этим смириться. Он в два прыжка догнал

колдунью, схватил ее за плечо и воскликнул, умильно улыбаясь:

– Куда же ты, моя сладкая? Неужели для меня не найдется местечка в твоем сердце? Один поцелуй, и я отстану, честное…

Делиль окинула настырного ухажера брезгливым взглядом и чуть-чуть, совсем легонечко дунула. Несчастный юноша, прерванный на полуслове, отлетел к стене, словно им выстрелили из пушки – он впечатался в камень со страшной силой и медленно сполз на пол.

– Черт возьми!.. – ужаснулась Ванесса.

– Я не люблю, когда они распускают руки, – холодно произнесла Делиль.

Уже не оборачиваясь, она пошла дальше, оставив Ванессу растерянно смотреть на бедного офицерика.

Какую-то секунду Вон думала, что несчастный и правда мертв, однако тот шевельнул рукой… ногой… а потом вскочил на ноги, как пружинный болванчик, весь раздулся и с громким хлопком… превратился в одноглазого великана с рогом во лбу.

– Подумаешь, какая недотрога! – обиженно воскликнул Хубаксис. – Еще пожалеешь потом!

– Черт, мне следовало догадаться… – слабым голосом произнесла Вон. – Я должна была знать, что ни один местный не посмеет так нагло клеиться к колдунье… Ты как вообще, в порядке?

– Джинна трудно убить, Вон, не переживай, – хмыкнул Хубаксис. – Хозяин колотил меня десятки лет, а я до сих пор живой.

– И с превращениями, гляжу, у тебя прогресс…

– Ага! Я тренировался!

– В превращениях?.. Или в обольщении?..

– Во всем, – расплылся в дурацкой улыбке джинн. – Хочешь, покажу, как я теперь умею превращаться? А то вчера вы не захотели…

Ванесса смутно припомнила, что Хубаксис действительно вчера все порывался что-то им с Креолом показать. Она тогда не успела спросить, что именно – Креол приказал своему рабу заткнуться, а потом и вовсе прогнал с глаз долой.

– Немного позже, – пообещала она. – А то я умираю с голоду.

Зал Бозеса оказался мрачным, скудно освещенным помещением. Вдоль стен тускло мерцали магические светильники, сверху свисала огромная люстра с обыкновенными восковыми свечами. Они не горели – эта штука болталась здесь исключительно как дань традиции.

Между светильников висели картины. Десятки портретов, изображающих прежних членов Совета Двенадцати. Разумеется, большинство лиц Ванесса раньше не видела, однако некоторые оказались знакомыми. Вот этот, например – если добавить морщин и прозрачности, получится Тивилдорм Призрак. А эта ослепительная красавица, если приглядеться, неуловимо напоминает Руаху Каргу. Рядом с ней, вероятнее всего, любящий супруг – Искашмир Молния.

А в самом центре, на полуфутовом возвышении стоял круглый стол с двенадцатью креслами. На спинке каждого было вырезано соответствующее число.

За столом сидело всего пятеро. В кресле «один» развалился Креол, справа от него читал книжку Шамшуддин, чуть дальше чинно восседал лод Гвэйдеон, а на противоположном конце устроился маршал Хобокен.

Еще за столом присутствовал толстый румяный колдун с приветливой улыбкой – его Ванесса раньше не встречала. Вероятно, это и есть тот самый Клевентин Предатель, который сыграл ключевую роль в захвате Серой Земли, в нужный момент подставив своим ножку.

Ванесса плюхнулась в свободное кресло слева от Креола и принялась заинтересованно ощупывать стол взглядом. На нем пока что не было ничего,

даже посуды. Голая деревянная столешница.

– А профессор Лакласторос нас не посетит? – спросила Вон у дворецкого.

– Повелитель Лакласторос просил передать свои извинения, – поклонился Ропер. – В настоящий момент он очень занят в своем… колдовском городе, и не может отлучиться.

– Ладно, подождем… Кстати, чего мы еще ждем?

– Владыку Тивилдорма. Он должен появиться с минуты на минуту.

– Да он же все равно ничего не ест… – вздохнула Вон, с вожделением поглядывая на дверь в дальнем конце. Оттуда неслись восхитительные ароматы.

Поскучав с полминуты, девушка спросила у Шамшуддина:

– Что читаете?

– Книгу по истории, – рассеянно ответил маргул, наливая себе чашечку кофе.

– Интересно?

– Совсем нет. Но факты попадаются занятные. Если верить этой книге, Серая Земля – действительно древнейшее государство Рари…

– Нашему Китаю уже четыре тысячи лет, – пожала плечами Ванесса.

– Представь себе, дева моя, Серая Земля еще древнее. Правда, чем дальше в глубь веков, тем сомнительнее становится информация… Хотя известна точная дата, когда предшественник Серой Земли – королевство Дрем – был переименован в Серую Землю. 1538 год по летосчислению эйстов. До этого Дремом правил великий король, завоевавший остальные одиннадцать королевств этого огромного острова, и ставший править ими единолично. А в 1538 году он неожиданно умер, не оставив наследников, империя стала республикой и была переименована в Серую Землю. Однако никаких колдунов здесь тогда не было – они появились намного позже. По непроверенным данным,

все колдовство серых пошло с некой книги, найденной в каком-то подвале тысячи лет назад…

– Это всего лишь историческая легенда, повелитель Шамшуддин, – вмешался в разговор Клевентин. – Серьезные историки считают, что колдовство просто развивалось постепенно – от малого к великому, от отдельных колдунов-самоучек к профессиональным гимнасиям. Те далекие времена вообще изучены очень плохо, сведения крайне туманны и противоречивы. Например, этот самый последний король Дрема – о нем не известно ничего, кроме того, что он существовал. И то эта информация основывается лишь на нескольких строчках из древней летописи: «В годе одна тысяча пятисот тридцать осьмом презрел земные блага и отошел в мир призрачный король велик, что собрал под руцей своей двенадесять королевств меж морей четверых и соделал Дрем державой сильномогучей. Не оставиши наследников и письма завещательного, соделал смертию своей Дрем державой сиротливой и безправной, что великия смуты породило, докудова спустя годы многая не воссел вкруг стола Совет Двенадцати, правя мудро и влекодушно землею, что Серой отныне рековалась».

– Как это все… интересно, – вежливо кивнула Ванесса.

– Кстати, насчет даты тоже идут споры, – добавил Клевентин. – Многие считают, что 1538 год, упомянутый в летописи, относится не к современному летосчислению, принадлежащему эйстам, а некоему другому, забытому. И это вполне возможно – в те далекие времена эйсты были полудикими созданиями, живущими стаями на морском дне. Людям тогда не было дела ни до них, ни до их хронологии – если она вообще у них тогда была. Большинство историков сходится на том, что эйсты начали отсчитывать годы «от Нисхождения Ивы» сразу с трехтысячного года, если не с еще большего. Так что вполне может быть, что нашей Серой Земле не пятьдесят шесть веков, как то считается официально, а значительно меньше.

– Все это замечательно, но времени уже половина первого, – нетерпеливо произнесла Ванесса. – Нам в конце концов дадут поесть или бросят умирать с голоду?

Она уже хотела потребовать, чтобы обед начинали немедленно, не дожидаясь отсутствующих, но тут Тивилдорм Призрак как раз появился. Даже не подумав извиниться за опоздание, он подплыл к столу, бегло осмотрел его и процедил сквозь зубы:

– Не так сели!

При этом он сверлил Ванессу особенно злым взглядом. Та поежилась, не понимая, в чем проблема, и воинственно спросила:

– Что не так?

– Ты четвертая в Совете, – хмуро ответил Тивилдорм. – Ты должна сидеть вон там, в кресле «четыре». А на этом месте должен сидеть я.

– Но я хочу сидеть рядом со своим женихом.

– Это против правил. Пересядь на свое место.

– Чрево Тиамат, ученица, давай просто сядем в конце стола, – поморщился Креол, покидая кресло. – Половина мест свободны.

Ванесса не возражала. Ей было абсолютно все равно, как пронумеровано ее кресло. Судя по лицам лода Гвэйдеона, Хобокена и Шамшуддина, их это тоже нимало не беспокоило. Единственным, кому такое решение Креола не понравилось, оказался все тот же Тивилдорм.

– Это по-прежнему против правил, владыка Креол, – наставительно заявил он. – Вы должны сидеть на первом месте, я – на втором, повелитель Шамшуддин – на третьем, ваша невеста – на четвертом. Сядьте как положено.

– Молчать! – рявкнул Креол. – Я глава Совета Двенадцати?!

– Безусловно.

– В таком случае я буду сидеть там, где хочу!

Тивилдорм Призрак гневно насупился, а его лицо стало еще прозрачнее обычного. Однако спорить дальше он не стал, просто устроившись в отвоеванном у Ванессы кресле «два». Трудно сказать, зачем ему все это было нужно – сидеть по-настоящему он все равно не мог, да и в еде отнюдь не

нуждался.

За столом присутствовало всего семь человек. Двое из них не были магами, а еще одну можно было причислить к магам только формально. Трое не были живыми, пятеро не принадлежали к серой расе, четверо явились из другого мира. Еще никогда Совет Двенадцати не был настолько необычным и разношерстным. Однако обед проходил по откатанной за века схеме, точно так же, как при Бестельглосуде, при Искашмире, при Козарине и при десятках предыдущих глав Совета.

Вначале в зал вошли двое слуг, разостлавших на столе скатерть. Затем еще четверо внесли подносы с хлебом, солью и приправами, а трое других разлили по кубкам вино. После этого вошли двадцать четыре лакея, несущие двадцать четыре блюда. Повар, вошедший следом, торжественно объявил каждое блюдо, показательно отрезав и съев от каждого маленький кусочек. Когда все кушанья оказались на столе, повар поклонился Креолу – ему, как первому в Совете, предстояло первому выбрать, что из поданного он желает кушать. За ним, соответственно, выбирал второй, потом третий и так далее.

Сегодня на выбор подали отварную говядину, отварную баранину, отварную телятину, жаркое из баранины, жареного ягненка, жареного козленка, жареного лебедя, жареного гуся, жареную цаплю, жареного фазана, жареного петуха, жареных каплунов, жареных куропаток, жареных ржанок, запеченную курицу, тушеных кроликов, тушеных цыплят, тушеных голубей, тушеных жаворонков, морского угря, блюдо с фруктами, сладкий крем из яиц и молока, фруктовый пирог и оладьи. Также в большом количестве гречневый и пшеничный хлеб, миски с приправленной овощами кашей, местное пиво и импортное вино.

Креол, повертев носом, пододвинул к себе фазана и начал рвать его руками, проигнорировав столовые приборы. Тивилдорм есть не мог, но традициям следовал неукоснительно – он взял тушеных цыплят и принялся с ненавистью на них таращиться. Шамшуддин выбрал жареных ржанок, лод Гвэйдеон – тушеных жаворонков, маршал Хобокен – жареного козленка, Клевентин – сладкий крем из яиц и молока.

Ванесса, выбиравшая четвертой, остановилась на морском угре. Сегодня ей не хотелось ни мяса, ни птицы, а рыбное блюдо на столе было всего одно. И это несмотря на то, что залив Бурь чрезвычайно богат рыбой. В народе говорят, что достаточно спустить с пирса голую веревку, чтобы вытащить ее уже с жирным

тунцом. Благодаря этому рыба в Иххарии очень дешева, а вот мясо дороговато – его в основном привозят из других сатрапий, Персина и Кийвена.

И именно поэтому рыбу на столах колдунов увидишь редко. В столице ее называют «мясом для бедных», и колдуны ею пренебрегают.

– Хозяин, разреши мне попробовать, не отравлена ли еда! – попросил Хубаксис, нависая над столом и высовывая громадный язычище.

– Не позволяйте ему пробовать, владыка Креол! – возмутился Тивилдорм. – В прошлый раз мы ему позволили, так он одним движением слизнул все двадцать четыре блюда!

– Я и не позволяю! – пнул Хубаксиса Креол, прикрывая от него фазана. – Пошел вон! Пошел вон, раб!

– Но хозяин, я же всегда пробовал для тебя еду! – заныл джинн.

– С тех пор многое изменилось, – смерил десятифутовую громадину взглядом Креол. – Очень многое.

Взятый Ванессой угорь оказался необычайно вкусным. Поскольку блюд осталось еще много, она отрезала себе также кусочек телятины, взяла лебединую ножку и немного фруктов. Местным этикетом это не возбраняется – каждый член Совета Двенадцати забирает одно блюдо в единоличную собственность, а прочие остаются в общем распоряжении.

А вот вино Ванессе совсем не понравилось – оно оказалось неприятно сладким. Серые любят подслащенные вина, а потому щедро сыплют туда сахар. Сделав несколько глотков, девушка отставила кубок в сторону.

Кроме того удовольствие от обеда портил Клевентин Предатель. Казавшийся таким культурным и воспитанным, за едой он громко чавкал и ежеминутно рыгал. Вон какое-то время терпела, но в конце концов сделала ему замечание… получив в ответ удивленное недоумение. Оказалось, что здесь это считается совершенно нормальным – серые полагают чавканье и отрыжку своеобразными комплиментами вкусной еде. Если гости за столом едят молча, хозяева

тревожатся, спрашивают, все ли в порядке, не испорчены ли кушанья.

По окончании обеда Тивилдорм Призрак объявил о начале церемонии представления. Креол уже два месяца числится главой Совета Двенадцати, но все это время новые подданные не имели возможности засвидетельствовать ему почтение. И вот сегодня новый владыка наконец будет им представлен.

Когда Креол и Ванесса вышли на балкон, их взору предстала главная городская площадь. Огромная, уходящая в бескрайнюю даль… и битком набитая людьми. Насколько хватает глаз – тысячи и тысячи серых, с надеждой глядящих на громаду Промонцери Царука.

Ждали они тут явно с самого утра.

– Первый в Совете Двенадцати – Креол Разрушитель!!! – оглушительно возвестил герольд в зеленом плаще. Многократно усиленный колдовством, его голос разнесся на мили вокруг, был услышан каждым человеком на площади и многими – гораздо дальше.

Человеческое море зашевелилось. Десятки тысяч серых одновременно опустились на колени и уперлись лбами в землю, вытянув вперед руки. Стояли они тесно, а теперь на площади вовсе не осталось свободного места – люди утрамбовались так плотно, как если бы их стискивали прессом.

– А вот это все обязательно?.. – недовольно поморщилась Ванесса.

– Хороший вопрос, – хмуро кивнул Креол. – Не знаю, кого как, но меня это раздражает. Скажи им, чтобы убирались.

– Они собрались здесь ради того, чтобы лицезреть вас, владыка, – сухо произнес Тивилдорм.

– Не думаю, что в такой позе они могут что-то лицезреть, – задумчиво произнесла Ванесса.

– От вас ожидают, что вы произнесете приветственную речь, – добавил Тивилдорм, бросая бешеные взгляды на Ванессу.

– И что я должен говорить? – вздохнул Креол.

– Все, что угодно. Но я на всякий случай приготовил вам текст. Клевентин!..

Толстяк с легким полупоклоном подал Креолу исписанный лист. Тот окинул его недовольным взглядом и поморщился. Ему совсем не хотелось трендеть всякие банальности, до которых все равно никому нет дела.

Магу вспомнился эн города Нимруд, в котором тогда еще молодой Креол отбывал илькум. Вступая в должность, Натх-Будур, добрейший из добрых, справедливейший из справедливых, мгновенно завоевал сердца горожан. Он приветливо им улыбнулся и воскликнул: «Спасибо, что пришли – а теперь подите прочь. И принесите мне кто-нибудь выпить».

Однако ломать традицию Креол все же не стал. Герольд-колдун наложил на него Голос Великана, и новый глава Совета Двенадцати начал держать речь перед своими подданными.

Глава 2

Колеса ужасно дребезжали. Просто ужасно. Дилижанс подпрыгивал на каждом булыжнике – а их в брусчатой мостовой Иххария было неисчислимое количество. Ванесса скучающе обмахивалась веером, в ее глазах читалось нескрываемое отвращение.

Ей не нравился этот город.

Столица Серой Земли не шла ни в какое сравнение с родным Сан-Франциско. Мисс Ли бывала во множестве городов, но еще никогда не попадала в настолько унылое место. Однотипные здания-коробки, ни единой попытки хоть как-то разнообразить пейзаж, куда ни глянь – блеклость и тусклость. Если все здешние города похожи на Иххарий, Серая Земля заслуживает свое название, как ни одна другая страна.

Дилижанс, в котором сидели Креол, Ванесса, Тивилдорм и Клевентин, ехал сам, без лошадей. На Серой Земле как-то не прижились верховые животные, поэтому бедняки здесь передвигаются исключительно пешком, народ побогаче – на рикшах, ну а высокопоставленные колдуны – на гомункулах, автоматах или зачарованных повозках.

Правда, теперь лошади на улицах появились, и во множестве. Паладины привезли с собой коней, и без устали фланировали на них по Иххарию и другим городам, неся во все концы слово Пречистой Девы. Лод Гвэйдеон сразу после обеда влез в седло Гордого и отправился в храм – совершать службу.

Бокаверде Хобокен также уехал – верхом на Черепке. Конь-зомби повез маршала-эйнхерия в казармы – рокушский полководец уже второй месяц без устали трудился, переделывая серую армию под свои стандарты.

Шамшуддин же остался в Промонцери Царука, в библиотеке. Он неустанно изучал древние летописи и колдовские фолианты, выискивал секретные заклинания серых, по крупицам собирал сведения о Лэнге.

Ну а Тивилдорм и Клевентин предложили Креолу с Ванессой прокатиться по городу, осмотреть новые владения, ознакомиться с достопримечательностями Иххария – а заодно встретиться с обещанными кандидатами в Совет Двенадцати.

Дома тянулись вдоль мостовой ровной линией, кое-где прерываемые переулками. Почти все четырехэтажные, с плоскими крышами, украшенными дымовыми трубами, громоотводами и водостоками. Местами еще заметны выбоины, сколы, пулевые отверстия – два месяца назад в Иххарии шли затяжные бои. Объединенная армия Геремиады, Шгера и клана Ледовых Полей одержала быструю победу на море, но сам город сопротивлялся гораздо дольше. Лабиринт его узких улиц стал настоящим капканом для захватчиков. Схватки кипели на каждом углу, в каждой подворотне.

А потом из сатрапии Сеп прилетел Торатсиро Кишечник. Сын эг-мумии, внук Тахема Тьмы, кузен покойного Антикваро Мрази – он совершенно точно не собирался присягать на верность Креолу Разрушителю. Едва узнав о битве в заливе Бурь, Торатсиро оседлал вемпира и помчался в столицу. Там он собрал жрецов Древних и оставшихся верными Лэнгу колдунов, взял с боем Промонцери

Царука и объявил себя новым главой Совета Двенадцати.

Колдуна-полукровку выкуривали из Цитадели Власти почти две восьмицы – пока не пришли первые альдареи из Ларии. Маршал Хобокен ринулся в битву, едва сойдя с трапа – и в считаные часы одержал свою восемьдесят четвертую победу. Правда, взять Торатсиро живым не удалось – бескожий колдун швырялся заклинаниями, пока не повис мертвым на штыках эйнхериев.

Кроме того, на этих улицах пролилась кровь испронгша и винджен. После сражения под Симбаларем полудемоны подобрали своих раненых и с боем прорвались к южному побережью – рокушцев там почти не было. В первом же порту они захватили два военных корабля и отплыли, надеясь добраться до Серой Земли и уйти через портал.

Однако добравшись до Серой Земли, они натолкнулись на вражескую армаду. Один из кораблей сразу же был потоплен, а плывущие на нем полудемоны – выловлены из воды и взяты в плен. Второму удалось причалить – и чудовища ринулись в город. Бой был по-настоящему кровавый – испронгша и винджен дрались отчаянно, укладывая вокруг себя целые горы трупов. Но численное превосходство было слишком велико, и через некоторое время бригадир Юмашев приказал бойцам сдаться.

Впрочем, к настоящему времени в стране восстановился порядок. Геремиадцы, эйсты и дэвкаци покинули Серую Землю еще месяц назад, увезши домой богатую добычу. Паладины и эйнхерии полностью контролировали положение, а колдуны вроде бы окончательно покорились новому правительству. Изувеченный и разграбленный Иххарий понемногу начал зализывать раны.

Люди на улице встречались редко. Издали завидев самоедущий дилижанс, они прижимались к стенам, низко кланялись, не смея поднять головы. Многие старались заранее шмыгнуть в переулок или спрятаться в подъезде – лишь бы не попадаться на глаза колдунам.

Тивилдорм и Клевентин относились к этому как к должному, Креола такое положение дел тоже устраивало, а вот Ванесса чувствовала себя ужасно неловко. Неприятно, когда люди бегут от тебя, как от зачумленной. Про себя она решила прогуляться потом по городу пешком, в обычной одежде – посмотреть, как ведут себя простые серые, когда поблизости нет пугал в разноцветных

плащах.

Судя по тому, что она успела увидеть и услышать, жители Серой Земли – точно такие же люди, как любые другие. Нацистскую Германию ведь тоже населяли самые обычные немцы, а вовсе не какие-то монстры. Сменился режим, изменилась идеология – и страна вновь стала нормальной страной. С ее жителей словно спало наваждение.

Внешность у серых вполне обыкновенная – кожа нестандартного оттенка, волосы будто присыпаны пеплом, черты лица немного непривычные, а так все в порядке. Разве что зрачки выглядят странно – они стали такими из-за того, что предки серых жили в Аррандрахе, глубоко под землей. Зрение у них очень чувствительное, и когда они переселились на поверхность, на горные вершины, то долгое время не могли привыкнуть к яркому солнечному свету. Однако постепенно у них выработался защитный механизм – «ложный зрачок». Это три своеобразных «лоскутка», растущие от радужки и почти полностью прикрывающие истинный зрачок, оставляя лишь тончайшие черные линии в виде буквы Y. Глазам серых этого вполне достаточно, а зрачки при этом выглядят очень светлыми, почти белыми. Y-образные «разрезы» в глазах можно заметить только очень пристально вглядываясь.

В местной моде тоже нет ничего примечательного. Большинство горожан одеты в одежду местного производства – довольно плохую, в основном коричневого цвета. Дело в том, что импортные ткани и костюмы в Серой Земле облагаются огромными пошлинами, а потому стоят очень дорого. Позволить их себе могут только богачи и колдуны.

– Обратите внимание, как чисто у нас на улицах, – повел рукой Клевентин. – В Иххарии великолепная канализационная система, а мусор убирается дважды в день. Вы можете часами гулять по городу, но не найдете ни единого пятнышка грязи… если будете держаться подальше от трущоб, конечно.

– Класс, – вяло ответила Ванесса.

– К тому же в отличие от Ларии, Рокуша или султанатов Закатона, у нас в стране нет бездомных. Ни единого бродяги!

– Высший класс. А как вы этого добились?

– Отправили их всех в Лэнг.

Ванесса шумно засопела, меряя Клевентина тяжелым взглядом. Тот заерзал на сиденье, улыбаясь чуточку нервной улыбкой, и поспешил оправдаться:

– Разумеется, все это оставлено в прошлом, вместе с проклятым ктулхуистским режимом.

Колдовской дилижанс достиг конца главной городской улицы, носящей гордое название Новой Дороги, и выехал на Соборную площадь. Два месяца назад здесь располагалось крупнейшее святилище Древних. Теперь его снесли, на освободившемся месте вырыли искусственный пруд, а на противоположном конце площади возвели новый храм – Пречистой Девы. Колдуны-строители расшиблись в лепешку, в какие-то две восьмицы сотворив огромное здание удивительной красоты. Напротив него дилижанс и остановился, выпуская пассажиров.

Спустившись по ступеням, Ванесса принялась с любопытством оглядываться. Соборная площадь резко контрастировала с остальной частью города – кругом зелень, архитектурные красоты ласкают взор, в центре высится памятник какому-то тучному колдуну, а возле многих зданий стоят часовенки с каменными идолами в рост человека. Ванесса пару раз уже видела такие на улицах, но там они встречались редко, а здесь – во множестве.

Однако вскоре выяснилось, что это никакие не часовенки, а статуи – не идолы. Это, оказывается, такие могилы. На Соборной площади живут в основном колдуны, а колдуны не хоронят себе подобных на кладбищах – кому-кому, а им хорошо известно, что мастеров Искусства нежелательно закапывать в землю. Последствия могут быть самые непредсказуемые.

Поэтому серые превращают свои покойников в каменные статуи, а затем ставят в специальных нишах – одних внутри домов, других снаружи. Этой традиции уже семьсот лет, поэтому окаменевших колдунов накопилось порядочно – за городом существует даже «парк статуй», где хранятся десятки тысяч истуканов.

Памятник в центре площади – тоже не просто статуя, а окаменевший колдун. Знаменитый Козарин Мудрец – тот самый, при котором Серая Земля заключила

сделку с Лэнгом. Его лицо навеки застыло в мучительной агонии – так он выглядел в момент смерти, поверженный Искашмиром Молнией.

– Как-то это… я даже не знаю… – с сомнением произнесла Ванесса, глядя на десятки каменных покойников.

– Дурацкий обычай, – мрачно согласился Креол.

– Это освященная веками традиция, – сухо произнес Тивилдорм. – Благородные колдуны и после смерти остаются защищенными от тления, даже спустя века по-прежнему напоминая потомкам о том, что они жили и колдовали.

– На самом деле эта традиция уже начинает устаревать, – виновато улыбнулся Клевентин. – За последние двадцать лет окаменены были лишь шестьдесят процентов покойников, а оставшиеся сорок – кремированы. Если же взять статистику за последние пять лет, то мы увидим, что уже только двадцать процентов окаменены, а восемьдесят – кремированы. Если же рассмотреть…

– Мы поняли! – перебила его Ванесса.

К счастью, на Соборной площади хватало интересного и без колдовского погоста. В дальнем конце, например, стояли громадные часы с колоколом. К ним прилагался автомат-часомер, каждый час бьющий молотом в колокол. Как рассказал Клевентин, это самый древний среди действующих автоматов – его создали более полутора веков назад, когда техномагия еще только делала первые шаги.

На площади были и другие автоматы – торговые. Вот это металлическое существо, похожее на толстого жука с шестью ногами и двенадцатью руками, заменяет собой целый киоск – продает газеты, напитки, леденцы, сигареты и прочие мелкие товары. Целыми днями оно бродит по площади, с готовностью подбегая ко всякому, кто выкажет заинтересованность в покупке.

Ванессе захотелось самой попробовать, как работает эта штука. Она вынула бумажник и извлекла несколько местных купюр. Будучи членом Совета Двенадцати, Вон получила почти свободный доступ к казне Промонцери Царука и, разумеется, не забыла запастись наличностью.

Деньги Серой Земли оказались довольно забавными. Двенадцать видов банкнот – достоинством в один, три, пять, десять, двадцать пять, пятьдесят, сто, пятьсот, тысячу, пять тысяч, десять тысяч и пятьдесят тысяч шелахов. На всех изображены члены Совета Двенадцати – от Бестельглосуда Хаоса на самой крупной до Ригеллиона Одноглазого на самой мелкой. Каждая купюра зачарована колдуном-иллюзионистом – если потереть портрет, он грозно супит брови и отчетливо восклицает: «Ктулху фхтагн!».

Впервые услышав это, Ванесса не удержалась от смешка, а потом вовсе разложила на столе двенадцать разных банкнот и принялась играть на них, как на пианино. Совет Двенадцати хором славил Ктулху, пока у Вон не устали пальцы.

Однако она не могла не признать, что эта методика дает практически стопроцентную защиту от фальшивомонетчиков. Подделать такую «говорящую» банкноту может только другой колдун, да и то далеко не каждый. Креол, например, не смог бы – в подобных фокусах он совершенно не разбирается.

Кроме местной валюты в Серой Земле также имели хождение иностранные монеты из звонкого серебра. Их в основном использовали для расчетов с иноземными купцами – те настороженно относились к бумажкам с говорящими головами.

Вот серебро – оно всегда серебро.

– Владыка Креол, в казначейской типографии вновь спрашивают, когда Совет Двенадцати будет полностью укомплектован, – напомнил Клевентин. – Они не могут подготовить матрицы для банкнот нового образца, пока в Совете остаются вакантные места.

– Скоро, скоро, – рассеянно ответил Креол. – Восемь мест уже заняты, сегодня еще троих посмотрим… ну и последнего найдем где-нибудь… попозже. В крайнем случае назначу двенадцатым мой посох.

– Посох, владыка?.. – вежливо улыбнулся Клевентин.

– Если думаешь, что это я так шучу – лучше так не думай, – угрожающе посмотрел на него Креол. – Мой посох умнее большинства людей… и это не

потому, что у меня такой умный посох.

Тивилдорм и Клевентин направились к большому дому на правой стороне площади – они хотели лично навестить живущего здесь Веруса Паука, одного из сильнейших красных плащей. Креол же с Ванессой вошли в храм – лод Гвэйдеон пригласил их посетить богослужение.

Еще поднимаясь по ступеням, они услышали доносящееся изнутри пение. Хор юных девушек под органную музыку выводил благозвучный гимн на священном языке иштарианства – шумерском:

О Пречистая Дева, под небом скользящих созвездий

Жизнью ты наполняешь и все судоносное море,

И плодородные земли; тобою все сущие твари

Жить начинают и свет, родившися, солнечный видят.

Ветры, Богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем

Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный

Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,

И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.

Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,

Первыми весть о тебе и твоем появленьи, Богиня,

Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.

Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным

И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,

Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь,

И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,

По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,

Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце,

Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.

Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,

И ничего без тебя на божественный свет не родится,

Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.

Эту прекрасную песнь написала святая Лукрея – одна из величайших каабарских поэтесс. Ей неоднократно бывали видения, в которых сама Пречистая Дева нашептывала своей дщери слова гимнов.

Пока шло богослужение, Креол и Ванесса деликатно стояли в дверях, стараясь не привлекать внимания. Сегодняшней службой руководил сам лод Гвэйдеон – вернувшись с Плонета, он сразу возглавил иштарианскую миссию. Седой паладин с одухотворенным лицом стоял у алтаря, склонив голову, внимая священным песнопениям – а вместе с ним стояли еще две дюжины паладинов и не меньше тысячи прихожан из числа серых.

Нельзя сказать, чтобы серые так уж всем миром кинулись бить поклоны новой богине. Слишком хорошо им промыли мозги за время правления Лэнга – понадобится немало времени, чтобы все это забылось. Однако Орден Серебряных Рыцарей свое дело знает – их миссионерская деятельность с каждым днем набирает все большие обороты.

Паладины уже открыли при храмах госпитали, богадельни и сиротские приюты, начали обширную кампанию по помощи бедным и обездоленным. Репутация Ордена растет с каждым днем – от жрецов Ктулху народ не видел ничего, кроме безумных завываний и кровавых жертвоприношений. Да и сама богиня Инанна требует от своих адептов куда меньше, чем кошмарные Древние. Никакой крови, никаких людских жертв – лишь посещения храмов и соблюдения нескольких простых правил.

Ступив на берег Серой Земли, паладины первым делом разрушили портал в Лэнг. Двести с лишним рыцарей налетели на зловещую арку серебристым ураганом. Они разбили цепи у очередной партии рабов, отправляемых на поживу демонам, и прикончили на месте надсмотрщиков, подгонявших несчастных пиками. После этого паладины хором воззвали к своей богине и чуть ли не голыми руками раздробили портал в щебень.

Это событие уже стало городской легендой – настолько впечатлены были те, кто при нем присутствовал.

– А стоило ли разрушать этот портал? – тихо спросила Ванесса у Креола. – Он мог бы и нам самим пригодиться, когда пойдем на Лэнг… Или бомбочек можно было через него накидать – вот бы они там забегали…

– Наверняка Древние уже давно запечатали портал со своей стороны, – так же тихо ответил ее учитель. – Он им теперь бесполезен и даже вреден. А нам требовалось некое значимое действие, демонстрирующее серьезность наших намерений и способность их осуществить. Разрушение портала стало символом конца прежней эпохи и начала новой.

– А, как снос Берлинской стены…

– Примерно.

Священный гимн закончился, девушки закрыли ноты и, оживленно переговариваясь, спустились с хоров. Внизу они обступили престарелого паладина, игравшего на органе – тот начал что-то им объяснять, время от времени указывая на отдельные места в партитурах.

Лод Гвэйдеон же занял свое место за алтарем и начал принимать присягу на веру. Каждый подходивший отвечал на несколько вопросов – признает ли он в глубине своей совести безмерное милосердие Пречистой Девы, святость Астаро и спасение посредством веры, а также согласен ли отныне пребывать в лоне иштарианской церкви, соблюдать ее каноны и положения, всеми силами содействовать ее славе и процветанию. Если все ответы были положительными, новообращенный ставил на бумаге подпись, подтверждая тем искренность своих намерений, отпивал из серебряной чаши немного освященной воды и уступал место следующему.

Приняв присягу у нескольких человек, лод Гвэйдеон уступил место другому паладину, а сам подошел к Креолу и Ванессе. Вежливо поприветствовав их в храме своей богини, он выразил сожаление, что принимает гостей в таком бардаке и суматохе. Вернувшись с Плонета, Генерал Ордена сразу оказался по уши в работе – он ведь должен был исполнять и обязанности Великого Магистра. Многие дела, как выяснилось, дожидались его все эти два месяца – и теперь

обрушились снежной лавиной.

Лод Гвэйдеон посетовал, что по уставу он уже давно должен занять пост Великого Магистра, а в Генералы следует избрать другого достойного рыцаря – например, лода Марака, лода Кирогана или лода Кристозара. Каждый из них стал бы прекрасным Генералом – в отсутствие лода Гвэйдеона именно эти трое руководили всеми работами и проявили себя как нельзя лучше.

Однако Креол вновь повторил, что капитана в шторм не меняют – вот победим Лэнг, тогда и отправляйся на пенсию, отдыхать в мягком кресле у камина. А пока бери сколько хочешь людей, распоряжайся любыми средствами, но об отставке и думать не заикайся.

– К слову о новых людях, – оживился лод Гвэйдеон. – Спешу порадовать вас благим известием – Пречистая Дева уже направила в наш Орден нескольких новых послушников. За время моего отсутствия клятву принесли девятнадцать человек – и сегодня я приму ее еще у двоих. Было бы очень хорошо, если бы святой Креол мог присутствовать при церемонии – это весьма укрепит дух неофитов.

Разумеется, святой Креол не отказал. Лод Гвэйдеон провел его и Ванессу в длинную полутемную залу, где их уже дожидались два паладина в полном облачении и два серокожих подростка четырнадцати и шестнадцати лет. При появлении сразу трех человек в серых плащах они ужасно заволновались, низко кланяясь, едва удерживаясь, чтобы не бухнуться на колени.

– Поднимите головы, отроки, – ласково произнес лод Гвэйдеон. – Возрадуйтесь, ибо при вашем посвящении в послушничество будет присутствовать сам святой Креол, Четвертый Посланник Пречистой Девы, коя направила вас на эту стезю. Ведаю я, что Она говорила с вами, направила вас и даровала вам новые имена. Судя по тому, что вы стоите предо мной, вы согласны вступить в Орден?

– Да, повелитель, – нестройно ответили мальчишки.

– Не повелитель, но лод Гвэйдеон. Преклоните же теперь правое колено, положите руку на Астаро и произнесите священную клятву.

С опаской поглядывая на ковыряющего в носу Креола, юнцы опустились на одно колено и принялись повторять слова, нашептываемые им стоящими рядом паладинами:

– Я клянусь подчиняться и вечно хранить верность Пречистой Деве и всем Посланникам ее, как жившим, так и грядущим. Жизнью клянусь защищать не только словом, но и силой оружия мою веру и честь, а также все прочее, что свято для меня и моего Ордена. Клянусь неизменно блюсти Кодекс моего Ордена и повиноваться Великому Магистру Ордена и Генералу Ордена, во исполнение статутов, которые завещаны нам отцом нашим, лодом Каббасом. Клянусь всегда, когда потребуется, отправляться в сколь угодно дальнее странствие, переплывать моря и океаны, чтобы вступать в бой и оказывать поддержку государям и простым людям против порождений Близнеца. Клянусь не обращаться в бегство перед противником и не склонять перед ним своей головы, особенно если это служитель Близнеца. Клянусь не продавать, не дарить и не терять своих доспехов и оружия, а также не разглашать секрета священного керефа. Клянусь никогда не отказывать ни в какой помощи ни словом, ни добрым деянием, ни оружием никому, кто будет в этом нуждаться, а особенно монахам и жрицам, ибо они наши соратники и друзья. В подтверждение всего сказанного по моей доброй воле даю слово так поступать. Да поможет мне Пречистая Дева.

– Сим я подтверждаю, что услышал и засвидетельствовал вашу клятву, – кивнул лод Гвэйдеон, плашмя ударяя мечом по плечам обоих послушников. – Посредством этого меча я дарую вам вход в самый высокий из орденов, Монгаль и Каратьян. Да будет ваше послушничество благополучным, да не коснется вас любая и всякая низость и да увидитесь вы вновь с Пречистой Девой. Теперь лод Кирасэйб и лод Камуим покажут вам новый дом и объяснят правила поведения. Они будут вашими наставниками, пока вы не освоитесь… Да, Монгаль, о чем ты хочешь спросить?

Юноша, поднявший руку, робко полюбопытствовал:

– А разве мы не должны рассказать, откуда мы, какого рода, чем занимаются наши родители? Мое имя… мое прежнее имя – Хенро, я третий сын пивовара из Ганориана…

– Ничто из этого не имеет значения для Ордена, – перебил его лод Гвэйдеон. – Важно лишь то, что тебе явилась Пречистая Дева – а значит, ты достоин

называться нашим братом.

Ванесса проводила взглядом удаляющихся послушников и задумчиво произнесла:

– Выходит, теперь появятся и серокожие паладины…

– Разумеется, – кивнул лод Гвэйдеон. – Правда, мы пока не решили вопроса с доспехами…

– А в чем проблема?

– В этом мире нет кроха – наши кузнецы не могут выплавлять кереф. Сейчас мы ищем альтернативу.

– Это не проблема, – отмахнулся Креол. – Этот металл я вам привезу с Каабара.

– Это будет нам очень полезно, святой Креол.

– Ну а как у вас тут вообще дела, лод Гвэйдеон? – поинтересовалась Ванесса. – Кроме нехватки металла проблемы есть?

– Некоторые есть. Сейчас наш Орден вынужден постоянно отвлекаться на оставшихся ктулхуистов, и это нас удручает.

– И много их осталось?

– Не слишком много, но они изрядно досаждают. Мы загнали их в подполье, однако они и оттуда строят каверзы – нам то и дело поступают жалобы. Ордену катастрофически не хватает рук, леди Ванесса.

– Так может быть дать вам кого-нибудь в помощь? – предложила девушка.

– Мы тоже об этом подумали. Сегодня утром я, пользуясь своим званием пятого в Совете Двенадцати, утвердил новую службу – она будет заниматься исключительно искоренением демонопоклонничества. Ответственным я избрал

лода Белькесира – это бывалый паладин, немало поднаторевший в борьбе с именно колдунами. В основном мы набираем добровольцев из принявших иштарианство стражников и сотрудников внутренней безопасности.

– Ну, полагаю, вы знаете, что делаете, – с некоторым сомнением произнесла Ванесса. – А как эта служба будет называться?

– Мы решили назвать ее Службой Ассенизации, а ее сотрудников, соответственно, ассенизаторами. Мне кажется, нельзя подобрать лучшего слова, чтобы обозначить тех, кто будет охотиться за демонопоклонниками.

– И в самом деле, очень подходящий термин.

– К сожалению, мы пока еще не нашли подходящего человека на должность великого ассенизатора, – посетовал лод Гвэйдеон. – Приходится соблюдать предельную осторожность – меньше всего мы хотим, чтобы Служба Ассенизации уподобилась нашим экзорцистам.

Ванесса вспомнила покойного Льюсима Доммаза, и ее передернуло. Что и говорить, подобные организации всегда балансируют на грани – постоянно случаются перегибы, а то и откровенные злоупотребления. Орден Серебряных Рыцарей – редчайшее исключение, да и то лишь потому, что Инанна персонально отбирает в него кандидатов.

Лод Гвэйдеон рассказал, что кроме остатков ктулхуистов в стране как-то сами собой образовались еще две альтернативные церкви – сторонники доктулхуистской религии и приверженцы Единого. Однако они, в отличие от ктулхуистов, не причиняют никому беспокойства, а потому паладины их не трогают.

Прежняя вера серых, носящая какое-то очень длинное и заковыристое название и ставящая в центр мироздания Предвечную Реку, была чем-то наподобие земного даосизма. Когда к власти пришли жрецы Древних, «речников» начали преследовать, однако истребить полностью все же не сумели. В стране даже спустя сотню лет оставались тайные верующие – и теперь они наконец вышли из подполья.

Настаолистов, сторонников Единого, в Серой Земле тоже хватает. Они были и до ктулхуизма, и во время него. До – открыто, тогда государственная религия была очень терпимой. Потом настаолизм, как и все прочие религии, был объявлен вне закона, и его приверженцы также ушли в подполье. Но теперь и они воспряли духом – благо в их ряды влилось немаленькое пополнение в виде дивизии «Мертвая Голова» и других рокушцев, во множестве приехавших в страну.

– И что вы планируете с этим делать? – поинтересовалась Ванесса.

– Ничего, – чуть помедлив, ответил лод Гвэйдеон. – Государственной религией будет иштарианство, но мы не станем преследовать тех, кто желает поклоняться иным добрым богам. Мы позволим им строить свои храмы и проводить служения – неофициально, разумеется. В школах будет преподаваться только Учение Астаро.

– А может, вообще отменить государственную религию? Почему бы не объявить свободу вероисповедания?

– Исключено! – гневно загорелись глаза паладина. – Простите, леди Ванесса, но это исключено! В стране не может не быть государственной религии, и пока я способен удерживать меч, ею будет иштарианство!

– Да ради бога, я же просто предложила… – выставила руки Ванесса.

– Прошу простить мою несдержанность, – виновато поклонился лод Гвэйдеон. – Мне не следовало повышать на вас голос, леди Ванесса.

– Ничего страшного, со всяким бывает. Но может, хотя бы преподавание в школах отменим? Или пусть уроки будут факультативными…

– Это тоже неприемлемо, – покачал головой лод Гвэйдеон. – Науки и знания – ради разума, труд и физкультура – ради тела, искусство и божье слово – ради духа. Разум, тело и дух должны развиваться гармонично, иначе человек получится ущербным и незаконченным. Меня учили так, и я почитаю это правильным.

Ванесса вздохнула и смирилась. В конце концов, раньше в школах Серой Земли вообще преподавалось Слово Древних – Учение Астаро всяко будет лучше.

Когда Креол и Ванесса уже выходили из храма, их догнал один из свежеиспеченных послушников. Ужасно запыхавшись, он поклонился магу и с почтением сказал:

– Святой Креол, я прошу прощения, что беспокою…

– Чего тебе? – неохотно повернулся маг.

– Я не понимаю одного места в Астаро, – пожаловался послушник. – Лод Камуим посоветовал мне спросить у вас, пока вы не ушли…

Креол тупо уставился в протянутую книгу. Орден Серебряных Рыцарей реквизировал одну из иххарийских типографий – ту, в которой раньше издавали ктулхуистскую литературу. Перевод Астаро на серый язык был осуществлен в рекордные сроки, и первый тираж уже начал распространяться по стране.

Маг долго читал и перечитывал указанное место, пока послушник с надеждой ожидал консультации. Креол вертел книгу так и эдак, один раз даже перевернул вверх ногами, но в конце концов поморщился и заявил:

– Ничего не понимаю. Чушь какая-то.

– Но как же так, святой Креол…

– Пошел вон.

Глава 3

Здание Иххарийского Гимнасия видно издалека. Все-таки крупнейшая колдовская школа в стране… да и во всем мире, если уж на то пошло. На что велика циклопическая Цитадель Власти, но Иххарийский Гимнасий превосходит

даже ее.

– Вам непременно нужно увидеть его своими глазами, – проскрипел Тивилдорм, выплывая из дилижанса. – Этот гимнасий выпустил больше колдунов, чем все остальные, вместе взятые. Клевентин тоже здесь учился.

– И какой факультет вы закончили? – полюбопытствовала Ванесса.

– Восьмой, – скромно ответил Клевентин. – Превращений и метаморфоз.

– О, так вы метаморф? – оживилась Вон. – Или трансформатор?

– И метаморф, и трансформатор. Но я не люблю прибегать к колдовству без особой надобности. Всегда считал, что если проблему можно решить без заклинаний, то именно так ее и нужно решать.

Креол, услышав это, пренебрежительно хмыкнул. Его мнение о Клевентине и раньше было не слишком высоким, а теперь вообще упало ниже сандалий.

– А вы тоже здесь учились, мистер Тивилдорм? – спросила Вон.

– Нет, как раз я заканчивал другой гимнасий… – неохотно ответил Тивилдорм. – Его мы тоже сегодня увидим… попозже…

Иххарийский Гимнасий разместился в обширном парке, окруженном крепостной стеной. Семнадцать небольших, совершенно одинаковых строений-кирпичей, вытянувшихся вдоль этой стены «подковой» – общежития студентов. Сам же гимнасий похож на амфитеатр невероятных размеров – правда, верхние его этажи необитаемы и практически никогда никем не посещаются. Это здание возводили колдуны-строители – гонясь за внушительностью, они сделали гимнасий в несколько раз большим, чем реально требовалось.

В центре, как и положено амфитеатру – арена. Однако на этой арене не сражаются… точнее, не только сражаются. На этом колдовском полигоне студенты осваивают те заклинания, что неудобны, а порой и опасны для применения в помещениях. Воздух здесь кипит от пламени пиромантов, стынет от вьюг криомантов, искрится от молний аэромантов и просто плачет, когда

тренироваться выходят метеомаги.

Распахнув дубовые двери, Креол и остальные оказались в огромном кольцевом коридоре – он проходил по всему первому этажу. С одной стороны тянулись небольшие незастекленные окна, с другой – лестницы на верхние этажи и двери, ведущие в аудитории, лабораторные, служебные помещения.

Коридор был заполнен студентами. Они толпились у дверей, беседовали, некоторые потихоньку колдовали, одним глазом поглядывая, не идет ли преподаватель. В воздухе стоял неразборчивый гул, изредка перемежаемый взрывами хохота или громкими криками.

Однако стоило сюда войти четверым в серых плащах, как все мгновенно стихло. Студенты смотрели на неожиданных гостей остановившимися взглядами, словно кролики, зачарованные змеей. Кто-то уронил карандаш – звук падения в наступившей тишине прозвучал пушечным выстрелом.

– Кхм… – кашлянул в кулак Тивилдорм. – Прошу всех вернуться к занятиям. Прямо сейчас.

Коридор опустел в долю секунды.

Тивилдорм Призрак сразу повел своих спутников на четвертый этаж – к кабинету ректора. По дороге он рассказывал, что сейчас в Иххарийском Гимнасии насчитывается более тысячи студентов – и это почти половина от общего количества в стране. Всего в Серой Земле двенадцать гимнасиев – по одному на сатрапию. Однако одиннадцать остальных гораздо скромнее – в самом маленьком учится всего лишь полсотни студентов, да и прочие не слишком его превосходят.

Будущие колдуны поступают в гимнасий одиннадцати лет от роду. Первые три-четыре года их учат исключительно теории и только к четырнадцати-пятнадцати годам переходят к практическому колдовству. Фиолетовый плащ надевают обычно в двадцать два или двадцать три года.

– Как это три-четыре года? – не поняла Ванесса. – Как повезет, что ли?

– По истечении третьего года обучения ученик сдает промежуточный экзамен, – объяснил Клевентин. – Если он выдерживает его, то переходит на высшую ступень. Если нет – остается на начальной еще на год. Если же он и после четвертого года обучения не может сдать экзамен, его отчисляют без права восстановления.

– Ого… И что с ним потом происходит?

– По-разному, – пожал плечами Клевентин. – Но колдуном такому неудачнику уже не стать никогда – здесь не помогут ни связи, ни взятки. Некоторых это ломает так сильно, что они повреждаются умом или даже кончают с собой. Другие до конца дней живут нахлебниками, перебиваясь подачками от богатых родственников. Третьи берут себя в руки, поступают в какой-нибудь университет для простонародья и пытаются построить жизнь вне колдовства. Четвертые уезжают за границу, где им порой удается прибиться к какой-нибудь важной персоне, выдавая себя за колдуна. Среди иностранцев попадаются такие, кому достаточно серой кожи и умения важно надувать щеки.

На четвертом этаже располагались в основном аудитории. Престарелые колдуны день-деньской читали в них лекции для всех, кто желал послушать. Кроме профессиональных преподавателей, работающих на постоянной основе, было и множество временных, приглашенных провести урок-другой или даже по собственной инициативе зашедших поделиться мудростью со студентами.

По дороге Ванесса из любопытства заглянула в парочку дверей – ей ужасно хотелось посмотреть, как проходят уроки в школе колдунов.

Оказалось – ничего особенного. В первой попавшейся ей аудитории сидели одиннадцати-двенадцатилетние малыши, а седенькая старушка в черном платье – даже не колдунья! – объясняла им основы солнечной эклиптики.

– …Солнце движется по эклиптике неравномерно, что приводит к разной длительности времен года, – вещала она, водя указкой по плакату. – Весенние и летние месяцы для жителей северного полушария короче осенних и зимних, а для южного, соответственно, наоборот…

Это Ванессе показалось совсем неинтересным, и она сразу же захлопнула дверь. Зато в следующей аудитории увидела уже пятнадцати-шестнадцатилетних

подростков и хмурую, совсем молоденькую колдунью в синем плаще, читающую лекцию по некромантии. Правда, ученики явно слушали невнимательно, да и преподавательница тараторила так, словно торопилась побыстрее закончить лекцию.

– …вот таким образом мы и вливаем в мертвое тело искусственную прану, создавая таким образом псевдоживое существо, – скороговоркой объясняла она, крутя в руках клацающий зубами череп. – На этом сегодняшнее занятие окончено. К следующему разу подготовьте… а, неважно. Вопросы есть?

– Повелительница Гайда! – вскинул руку один из учеников. – А как ожившие мертвецы могут говорить? У них же не работают легкие, и…

Колдунья устало закатила глаза, но потом все же терпеливо ответила:

– Этот аспект вы будете проходить на третьем курсе. Если же хотите знать прямо сейчас, разыщите и прочтите трактат Стагирлуса Костяного – «О некоторых особенностях физиологии и жизнедеятельности нежити». В библиотеке он должен быть. Особенное внимание уделите главе одиннадцатой – «Проблемы циркуляции воздуха. Как заставить труп говорить». Еще вопросы есть? Если нет, тогда все свободны.

Студенты с шумом поднялись с мест, принялись собирать писчие принадлежности. Ванесса отпрянула от дверей и бросилась догонять ушедших вперед Креола с остальными. Однако преподавательница некромантии ее обогнала, летя по коридору так, словно за ней гнались. Она даже не заметила, что чуть не столкнулась с серым плащом.

Вообще, такую полезную вещь, как школьный звонок, в Серой Земле явно не изобрели. В то время как одни группы сидели в аудиториях, другие преспокойно фланировали по коридору. Занятия не имели четкой продолжительности – преподаватели начинали и заканчивали их по своему усмотрению. Расписания висели на каждом шагу – исчерканные, со множеством правок и дополнений. Удивительно, как студенты ухитрялись ориентироваться во всей этой неразберихе.

Чтобы добраться до ректората, пришлось пройти по четвертому этажу, однако сам он располагался еще выше – на шестом. Ведущая туда лестница выглядела

презентабельнее своих товарок – ступени покрыты пышным ковром, перила увенчаны мраморными шарами.

В коридоре шестого этажа студентов не было. Не было и аудиторий – только служебные помещения с табличками «Квартирмейстер», «Регистратор», «Экзекутор». На стене висели портреты прежних ректоров – все пожилые, седовласые, с суровыми лицами.

Одно из лиц Ванесса неожиданно узнала. Мурок Вивисектор, тот самый ехидный колдун, что пытался устроить ей сеанс аутопсии. Она спросила об этом у Клевентина, и тот поведал, что на момент смерти Муроку было сто двадцать пять лет, и он действительно когда-то занимал должность ректора Иххарийского гимнасия. Однако пробыл он им всего десять лет, а затем подал в отставку, желая полностью сосредоточиться на биомагических исследованиях. Эти его исследования со временем привлекли интерес Бестельглосуда Хаоса, и после трагедии в Дорилловом ущелье он предложил Муроку место в Совете Двенадцати.

Но вот наконец и ректорат. Тяжелая дверь, обитая кожей, не снабженная никакими табличками и надписями – предполагается, что всяк в гимнасии и так знает, что находится по ту сторону.

Постучать Креол не удосужился. Он отродясь не утруждал себя такими глупостями. Причем сейчас этикет находился на его стороне – члены Совета Двенадцати обладают правом входить без стука куда угодно.

В кабинете ректора царил совершенно домашний уют. Выходящее на колдовской полигон окно завешено шелковыми шторами, на стенах висят полочки, уставленные фарфоровой посудой, в углу свернулась калачиком… кажется, кошка, но небывало крупных размеров. Будь этот зверь еще немного крупнее, сошел бы за леопарда.

Сама хозяйка в помещении отсутствовала. Однако уже через несколько секунд раздался хлопок, и прямо из воздуха появилась высокая женщина в красном плаще поверх роскошного платья из серебряного газа. В руке она держала тонкую деревянную палочку.

Чувствовалось, что Кебракия Мудрая уже очень стара. Лицо худое, густо покрытое морщинами, зубы желтые и неровные, а волосы побелели так, что кажутся прозрачными. И однако она по-прежнему обладала элегантной фигурой и умудрялась грациозно двигаться. Взгляд ее ярких глаз оставался острым, в нем проступало могучее чувство собственного достоинства и одновременно мягкость.

– В мой кабинет уже очень давно не заходили сразу четыре серых плаща, – ясно и отчетливо произнесла госпожа ректор. – Владыка Креол… владыка Тивилдорм… повелительница Ванесса… повелитель Клевентин… Что заставило вас искать встречи с такой старухой, как я?

– О, повелительница Кебракия, зачем вы на себя наговариваете? – приятно улыбнулся Клевентин. – О какой старухе вы говорите, где она? Все говорят, что годы не властны над вами – да мне и ни к чему слушать чужие речи, ведь я могу просто довериться своим глазам!

– Мне сто сорок четыре года, повелитель Клевентин, – усмехнулась Кебракия. – Не нужно льстить так грубо, я все равно вам не поверю.

Однако по голосу чувствовалось, что она все же польщена. Для своего возраста Кебракия Мудрая в самом деле выглядела неплохо, и ей нравилось, когда и другие это замечали.

– Присаживайтесь, дражайшие повелители, – легонько взмахнула палочкой Кебракия. Четыре мягких стула, доселе неподвижно стоявшие у стен, вдруг ожили и подбежали к гостям, услужливо тыкаясь под ноги. – И не нужно титуловать меня «повелительницей», дражайший Клевентин, я же теперь ниже вас по статусу.

– Это можно изменить, – проскрипел Тивилдорм, с намеком поглядывая на Креола. – Кебракия, тебе уже дважды предлагали войти в Совет Двенадцати…

– О да, Искашмир и Бестельглосуд, – рассеянно ответила госпожа ректор. – Прекрасно помню. Я так понимаю, вы собираетесь предложить мне это в третий раз?

– Если у владыки Креола нет возражений, то да, собираемся.

– У владыки Креола нет возражений, – ответил Креол, закончив изучение ауры Кебракии и найдя ее чрезвычайно сильной магессой. – Вполне подойдет.

– Искашмир и Бестельглосуд говорили то же самое, – отмахнулась Кебракия. – А я скажу вам то же самое, что говорила им – меня это не интересует. Политика – грязное занятие, и я не желаю в него лезть. Я понимаю, что в Совете сейчас переизбыток вакансий… но поищите кого-нибудь другого, дражайшие повелители, поищите кого-нибудь другого. Меня вполне устраивает моя нынешняя должность.

– Мы надеялись, что ваша позиция изменилась, обожаемая Кебракия, – просительно улыбнулся Клевентин. – В конце концов, теперь в политике Серой Земли многое изменилось… сама Серая Земля на глазах меняется. Владыка Креол намеревается действовать совершенно иначе, нежели прежние…

– Обо всем этом я уже наслышана, – перебила его Кебракия. – Я не лезу в политику, но это не значит, что я ею не интересуюсь. Поверьте, я в курсе того, что произошло за океаном и какая жалкая участь постигла Бестельглосуда. Между прочим, в той войне у меня погибла внучка.

– Боже!.. – ужаснулась Ванесса. – Поверьте, мы очень сожалеем…

– Что мне ваши сожаления? – поморщилась Кебракия. – Альбракия была хорошей девочкой. Доброй, умной, талантливой. А теперь ее нет, и незачем ворошить прошлое. Я не знаю, кто конкретно ее убил, и не желаю узнавать. Но и в ваш Совет Двенадцати я не вступлю.

Креол откинулся на спинку стула, подозрительно разглядывая Кебракию. Тивилдорм вопросительно смотрел на Креола. Клевентин внимательно разглядывал потолок. Ванесса же просто сидела молча, стараясь не привлекать к себе внимания – почему-то в присутствии Кебракии она ужасно оробела. Обычно за ней такого не водилось.

– Это твое окончательное слово? – наконец спросил Креол. – Ты отказываешься?

– Об этом Искашмир и Бестельглосуд меня тоже спрашивали, – усмехнулась Кебракия. – Надеюсь, меня не заставят надевать серый плащ силой?

– Не хочешь – дело твое, уговаривать не собираюсь… – вяло пробурчал Креол. – Только время зря потратили…

– Если вам вновь что-то от меня потребуется, просто известите, и я явлюсь сама, – поклонилась Кебракия Мудрая. – Надеюсь, вы останетесь на чай с коржиками, дражайшие повелители?

– Мы торопимся, – встал со стула Креол.

– В таком случае, если желаете, я могу телепортировать вас прямо к воротам гимнасия.

Так она и сделала. Все четверо мгновенно оказались снаружи, у ожидающего дилижанса. Хотя Тивилдорм явно пожалел, что согласился на телепортацию – его лицо исказилось смертной мукой, призрачное тело заколебалось, как исчезающий мираж. Клевентин с беспокойством схватился за карман, где лежал драгоценный танзанит, сберегающий душу учителя.

– Может, провести ритуал стабилизации? – предложил Креол. – Я хорошо умею закреплять духов.

– И я вам за это благодарен, владыка Креол… – прохрипел Тивилдорм. – Ближе к вечеру… пожалуйста… буду очень признателен…

Спустя пару минут он все же обрел какую-никакую четкость. Только призрачные волосы еще колыхались, как на сильном ветру.

– Мне нужно было использовать камень потверже… – простонал Тивилдорм, кое-как устраиваясь в дилижансе. – Алмаз или рубин… Зачем я выбрал танзанит?!

– Никто не мог предположить, что вам придется биться с адскими духами, владыка, – успокаивал его Клевентин.

– Но ведь мне пришлось – и снова еще придется, и не раз… – нахохлился колдун-призрак. – Когда я был жив, битвы с демонами давались мне куда легче… Был случай, когда я вышел один на один с ларитрой – и уничтожил ее! Развеял, как облако дыма! А что теперь?! Где моя сила, где моя мощь?! Я так страдаю в этом

промежуточном состоянии…

– Депрессия, понимаю… – посочувствовала Ванесса.

– А ты вообще замолчи, – огрызнулся Тивилдорм. – Ты меня раздражаешь.

Общими усилиями колдуна-призрака все же кое-как успокоили. Он устроился возле окна и принялся с грустью смотреть на проплывающие мимо здания.

– Куда теперь едем? – поинтересовалась Ванесса.

– В главный городской госпиталь, – ответил Клевентин. – А по дороге сделаем небольшой крюк – посмотрите одну достопримечательность. Тут недалеко.

– В госпиталь… – напрягла память девушка. – Там же, кажется, тоже работает какой-то красный плащ?

– О да, наш несравненный целитель Торай Жизнь. В своем деле – непревзойденный специалист. Возможно, лучший медик за всю историю страны.

– Хотите предложить ему место в Совете Двенадцати? В принципе, такой врач нам бы пригодился…

– Нет, его кандидатуру мы даже не обсуждали. Торай Жизнь действительно один из сильнейших красных плащей, но к политике он питает даже большее отвращение, чем Кебракия Мудрая. Он не согласится, не стоит и пытаться.

– Кого же тогда? Может, Делиль Ураган?

– Прекрасная аэромантка, – согласился Клевентин. – Очень могучая. Если желаете, поставьте ее кандидатуру на голосование, повелительница Ванесса.

– А вы сами разве с ней это уже не обсуждали? Она была сегодня в Промонцери Царука…

– Да, мы закончили разговор незадолго до вашего появления. Но она приходила совсем по другой причине.

– По какой?

– Спросите у нее сами при следующей встрече, – уклончиво ответил Клевентин.

– Ладно, ладно… Но так кого же вы еще подобрали в Совет? Мистер… владыка Тивилдорм говорил, что вы нашли целых троих…

– И вы очень скоро их всех увидите, – заверил Ванессу Клевентин.

– Всех троих?.. Хм… Я думала, что одна из них – Кебракия.

– Нет, Кебракию Мудрую мы надеялись заманить на двенадцатое место. Увы, она по-прежнему верна своим принципам…

– Значит, у нас свободно только одно место?

– Да – если вы и владыка Креол одобрите наших кандидатов. Повелители Шамшуддин и Хобокен уже выразили свое согласие.

– А лод Гвэйдеон?

– Он сказал, что поддержит любое решение владыки Креола.

– А, ну это вполне ожидаемо…

– Правда, остается еще повелитель Лакласторос, – добавил Клевентин. – Однако он пока не вошел в Совет официально, так что сейчас у него только совещательный голос.

– И когда он… войдет официально?

– Полагаю, на ближайшем заседании Совета. На нем состоится голосование по утверждению новых членов. Чистая формальность, конечно же, однако таковы

правила.

– Вот кстати, все забываю спросить по поводу голосования. Двенадцать ведь – четное число. Что у вас делают, когда голоса делятся поровну?

– В этом случае побеждает та сторона, на которой находится глава Совета – в данном случае владыка Креол. У него, если можно так выразиться, полтора голоса.

Ванесса улыбнулась, представив лицо Креола, увидевшего, что кто-то голосует против него. Помнится, в Верховные Маги его выбрали единогласно…

Район, по которому сейчас ехал дилижанс, не отличался презентабельностью. Дома старые и обшарпанные, редкие прохожие одеты в лохмотья, воздух провонял дымом из заводских труб. Канализационные люки, весьма частые на улицах Иххария, раскрыты нараспашку, источая зловоние. Прямо на глазах Ванессы какой-то тощий мальчишка юркнул в такой люк, точно Багс Банни в свою норку.

С каждой минутой пейзаж за окнами становился непригляднее. Люди исчезли совсем, дома все сильнее выглядели брошенными, а из подворотен засверкали чьи-то глаза. Похоже, на этот район городские власти давно махнули рукой, предоставив его жителям вариться в собственном соку.

Роскошный колдовской дилижанс выглядел здесь странно и чужеродно. Однако опасаться местного отребья не приходилось – все прекрасно видели, что за плащи носят эти четверо.

Когда такие крупные шишки забредают в иххарийские трущобы, те мгновенно вымирают. Даже обитатели канализации – отпетые бандюги, колдуны-ренегаты, нежить и чудовища – обходят Совет Двенадцати десятой дорогой.

Ванесса задавалась вопросом, что же такого им с Креолом хотят показать в этих трущобах. Пока что за окнами не было ничего интересного – ну вот просто совсем ничего. В основном грязь и развалины – но этого добра они и на Плонете насмотрелись до конца жизни.

И вот наконец она увидела обещанную диковину. В конце улицы высилось мрачное шестиэтажное здание с каменными статуями на крышах. Все стекла выбиты, окна заколочены досками, двери вообще заложены кирпичом. Дома вокруг словно отступили на несколько шагов, не желая стоять рядом. В воздухе витал странный запашок, похожий на… трудно сказать определенно, на что именно, но хотелось зажать нос.

– Помните, мы вам говорили, что в Серой Земле двенадцать гимнасиев? – спросил Клевентин. – Так вот, это – тринадцатый.

– Непохоже, чтобы здесь проводились занятия… – пробормотала Ванесса.

– Этот гимнасий закрыли больше четырехсот лет назад.

– Это… довольно давно. А чему тут учили?

– Демонологии. Именно здесь учился владыка Тивилдорм.

– Демонологии?! – оживился Креол, вылезая из дилижанса. – Чрево Тиамат, как же все запущено… Что здесь сейчас – бандитский притон?

– Сейчас здесь нет ничего, – покачал головой Клевентин. – Даже самые бесшабашные не решаются тревожить покой этого гимнасия. В те времена, когда у Серой Земли еще были демонологи, в его стенах творилось такое, что не передать словами. И сейчас туда не решаются входить даже колдуны.

– Почему же его до сих пор не снесли? – поинтересовалась Ванесса.

– Этого мы тоже не решаемся сделать. Кое-что из того, что там похоронено, до сих пор живо… в определенном смысле. Особенно нас тревожит… одна штука.

– Что еще за штука?

– Вы слышали о… Ночи Страха? – осторожно спросил Клевентин.

– Мм… нет. Что это?

– Совсем ничего не слышали?

– Она же тебе сказала, что нет, – мрачно ответил вместо Ванессы Креол.

– Прошу прощения, владыка, – поклонился Клевентин. – Просто любой серый знает эту историю с детства. Событие, которое позднее назвали Ночью Страха, произошло в ночь с девятнадцатое на двадцатое сентября 6689 года. В то время этим гимнасием заведовал Мальчимбо Красный, второй в Совете Двенадцати. Он был великим демонологом, по-настоящему великим. Но в ту ночь он… откусил больше, чем смог проглотить. Тварь, которую Мальчимбо Красный притащил откуда-то из-за Кромки, вырвалась на свободу, опустошила несколько кварталов Иххария и ополовинила тогдашний Совет Двенадцати. В конце концов ее сумели загнать в ловушку и запечатать в том самом месте, где она была призвана – запечатать, но не уничтожить. Она до сих пор ждет где-то в этом гимнасии…

Креол, все это время считывающий ауру здания, угрюмо кивнул. Запах демона за минувшие века чрезвычайно ослаб, но все еще чувствовался. Судя по нему, тварь в гимнасии сидит на редкость крупная…

– Откуда оно взялось? – деловито спросил маг. – Лэнг, Хвитачи, Ад, Кввецоль-Иин, еще что-то?..

– Мы не знаем, владыка. Но чем бы оно ни было, оно страшно опасно. Не забывайте, что в тот день погибло шестеро серых плащей. Шестеро! И среди них был лучший демонолог того времени, Мальчимбо Красный. Он пожертвовал жизнью, чтобы запечатать то, что сам же и призвал.

Ванесса поежилась. Демон, вынесший половину Совета Двенадцати! Это вам не гроза чердаков Бат-Криллах… С таким чудовищем даже Креол может не совладать…

Судя по омрачившемуся лицу Креола, он тоже об этом подумал.

– Само собой, все это было очень давно, – дополнил Клевентин. – Никто из ныне живущих не видел этого своими глазами. Никто, кроме…

– О да… – прокряхтел выплывший из дилижанса Тивилдорм Призрак. – Я видел все это своими глазами… В то время мне было сорок четыре года, я носил желтый плащ и был доверенным ассистентом Мальчимбо Красного. Я видел, как того демона вызвали; видел, как он вырвался; видел, как его запечатали. Я оказался одним из немногих, кто остался жив – но я поседел за одну ночь! На следующий день, после того, как подсчитали потери, было созвано экстренное собрание Совета Двенадцати… того, что от него осталось. На нем мне вручили оранжевый плащ, а вместе с ним новое прозвище – Тивилдорм Выживший. Без испытаний, без экзаменов. Я сыграл немалую роль в заточении того демона, и Совет это оценил. Уже на следующий год я получил красный плащ, а спустя еще шесть лет – место в Совете.

– Так вы хорошо знали этого Мальчимбо Красного? – полюбопытствовала Ванесса.

– Он был моим учителем, – с ностальгией произнес Тивилдорм. – Всему, что я знаю и умею, я обязан ему. Это именно он вручил мне фиолетовый плащ вкупе с первым прозвищем – Тивилдорм Сопливый…

Ванесса изумленно уставилась на жуткого призрака… а потом громко прыснула.

– Здесь нет ничего смешного!!! – бешено взревел Тивилдорм. – Первые прозвища очень часто бывают глупыми, обидными или даже издевательскими! Громкое прозвище еще нужно заслужить!

– Я все понимаю, просто… ой, не могу…

– Владыка Креол, повлияйте на свою ученицу!.. владыка Креол?..

Повернувшись к Креолу, Тивилдорм обнаружил, что тот тоже сотрясается в беззвучном хохоте. Пальцы бедного призрака заколебались в приступе гнева, над головой что-то вспыхнуло и заискрилось. Он никак не ожидал, что его юношеское прозвище – прозвище, которым он так гордился! – вызовет настолько бурную реакцию.

– Ладно, хватит, – утер слезы Креол. – Значит, так. Нужно будет осмотреть здесь все и выяснить, что можно сделать. Надо попробовать расконсервировать здание…

– Но демон, владыка!.. – с беспокойством напомнил Клевентин.

– Знаю! – поморщился маг. – Я же не собираюсь делать это прямо сейчас! Изучим проблему всесторонне, осторожненько поковыряемся, посмотрим, что и как… В конце концов, мне доводилось справляться и с архидемонами. Ну а если не получится – подыщем новое здание. Нам ведь все равно придется возрождать у вас тут демонологию – а значит, потребуется гимнасий.

– Да кого мы там успеем обучить… – пригорюнилась Ванесса. – До пробуждения Ктулху осталось уже… сколько там осталось? Четыре года хоть есть?

– Обучать придется по урезанному варианту, – согласился Креол. – Вполне достаточно, чтобы будущие демонологи умели усмирять и устреблять демонов. Остальные аспекты этого Искусства им не понадобятся. Думаю, студентов мы наберем по другим гимнасиям – тех, кто уже владеет основами магии.

– Для колдунов тоже можно организовать курсы, – поддакнула Ванесса. – По повышению квалификации. Поднатаскать фиолетовых плащей, синих…

– Да, это тоже хорошая мысль. Пожалуй, всем этим я займусь лично…

Глава 4

Следующей остановкой колдовского дилижанса стал главный городской госпиталь. Высотное белое здание, похожее на лондонский Тауэр, с высеченным на фасаде медицинским символом – красная змея, свернувшаяся в гексаграмме.

– Сейчас мы увидим троих новых членов Совета Двенадцати!.. – оживленно произнес Клевентин, выходя из дилижанса.

– Я их еще не утвердил, – мрачно напомнил Креол.

– И они ожидают вашего решения, владыка, – кивнул Клевентин.

– Но почему они ожидают его в госпитале? – недоуменно спросила Ванесса.

– Увидите, увидите…

Тивилдорм Призрак на сей раз предпочел остаться в дилижансе, при своем драгоценном танзаните. Ему хотелось спать… или что там делают привидения, когда устают. Пятисотлетний колдун забился в уголок и стал бледным, как линялая простынь, издавая чуть слышный подвывающий звук.

– Может, вызвать вам врача? – опасливо предложила Ванесса. – В колдовском госпитале же должны быть специалисты и по… некролюдям или как вы предпочитаете называться.

– В этом госпитале нет таких специалистов, – помотал головой Тивилдорм. – Мне просто нужно немного покоя…

– Я проведу ритуал стабилизации, как только вернемся в цитадель, – снова пообещал Креол.

Внутри госпиталя царила идеальная чистота, омрачаемая лишь стойким животным запахом. Вскоре стало понятно, откуда он происходит – по коридорам бегали целые стаи кошек. Ухоженные, лоснящиеся, с гладкой шерстью, они ритмично переступали лапками, выскальзывая из одних дверей и исчезая в других. Еще бы надеть на них белые халатики – и точь-в-точь медсестры, спешащие к пациентам.

Высоких гостей уже ожидали. Пожилая колдунья в желтом плаще и хрупкий юноша лет восемнадцати – в красном. Ванесса пораженно поняла, что этот мальчик и есть прославленный Торай Жизнь.

Клевентин по дороге немного рассказал о главврачe иххарийского госпиталя. Большинство медиков Серой Земли работает биомагическими методами – лекарственные эликсиры, операции, пересадка органов и тому подобное. Настоящих целителей, лечащих простым наложением рук, довольно мало – эта методика на Серой Земле всегда была в глухом загоне. Тем не менее порой встречаются настоящие самородки – и Торай Жизнь самый среди них выдающийся. Он занимается особо сложными случаями – теми, с которыми ничего не могут поделать остальные.

Но Ванесса и подумать не могла, что он настолько молод. Во сколько же тогда лет он закончил гимнасий?

Этот вопрос она задала вслух. Торай и его заместительница, назвавшаяся Коракой Заводчицей, в унисон рассмеялись.

– Мне сто два года, повелительница Ванесса, – мягко ответил Торай.

– А в чем ваш секрет, доктор?! – округлились глаза девушки. – Нет, я понимаю, что колдовство и все такое… но вы же все рекорды бьете!

– Ничего особенного, – пожал плечами Торай. – Просто здоровый образ жизни и правильное питание. Я с раннего детства сижу на диете из сырых овощей и злаков – очень рекомендую.

– А молоко вы пьете?

– Никакого молока. Для взрослого человека оно крайне вредно.

– А яйца?

– Никаких яиц.

– Они тоже вредные?

– Нет, мне просто вкус не нравится.

Торай Жизнь и Корака Заводчица проводили гостей по длинному коридору. Торай шел очень быстро, остальные с трудом за ним поспевали. Но завернув за угол, он остановился, едва не столкнувшись с плачущей девочкой лет восьми. Та держала что-то маленькое, завернутое в носовой платок.

– Дедушка Торай!.. – всхлипнула малышка, протягивая колдуну свою ношу. – Пожалуйста, дедушка Торай!..

Торай Жизнь недоуменно моргнул и принялся разворачивать платок. Там лежал крохотный пушистый комочек – холодный и неподвижный.

По коридору разнесся торопливый топот. К девочке подлетела молодая колдунья в синем плаще – она заслонила ее от главврача и испуганно залепетала:

– Повелитель Торай, умоляю, простите мою дочь!.. Я оставила ее всего на минутку – ума не приложу, как она сумела проскользнуть!..

Однако Торай не слушал перепуганную мать. Он поднес крохотный трупик ко рту и с силой дохнул. Застывшая уже шерсть чуть заметно заискрилась, крошечные лапки дернулись, голубые глаза изумленно раскрылись, а потом котенок перевернулся на спину и чуть слышно мяукнул.

– Возьми, – тихо произнес Торай, возвращая пациента хозяйке.

Ванесса и даже Креол пораженно глядели на это мгновенное воскрешение. Торай Жизнь действительно оказался целителем невероятной силы.

В течение следующих минут он подтвердил это еще дважды. В первый раз его нагнали две сестры милосердия, катящие каталку – они явно искали именно его. Почтительно поклонившись, одна из них скороговоркой протараторила:

– Женщина в тяжелом состоянии, повелитель Торай. Серьезная травма черепа. Сердцебиение прерывистое. Может умереть в любую секунду.

Не задавая вопросов, колдун наклонился, прильнул губами к губам юной и очень красивой девушки, принявшись что есть силы дышать. Уже через несколько секунд та резко распахнула глаза. Рана на голове срасталась с невероятной скоростью, на щеки вернулся румянец. Торай Жизнь еще с полминуты делал ей искусственное дыхание, а затем двинулся дальше.

Следующим был пожилой мужчина с сердечным приступом. Торай наклонился над ним, один-единственный раз резко дохнул – и без двух минут мертвец открыл глаза, пораженно вслушиваясь в ровное сердцебиение. Торай задержался на несколько секунд, коротко кивнул и пошел дальше.

– Скажите, доктор, а почему этого господина вы вылечили так легко, а той девушке потребовалось искусственное дыхание? – полюбопытствовала Ванесса, нагоняя Торая.

– Ей этого не требовалось.

– Тогда зачем же вы его делали?!

– Просто так. Пожалуйста, следуйте за мной, нам на третий этаж.

На третьем этаже разместились палаты-люкс – исключительно для колдунов. Здесь дежурили вооруженные до зубов эйнхерии – при виде Креола с Ванессой они вытянулись во фрунт и отдали честь.

– Докладывает капитан Мардиан! – гаркнул дюжий мертвяк с гигантскими усищами. – За время дежурства происшествий не было! На вверенной мне территории все спокойно!

– Строго тут у вас, – удивилась Ванесса.

– Приказано в случае чего сразу бить на поражение, – отрапортовал Мардиан, выщелкивая из ножен саблю.

Корака Заводчица сказала, что эйнхерии оказались для них просто незаменимым подспорьем. Находясь в бреду или страдая от боли, колдуны порой обращаются к чарам – и последствия бывают весьма скверными. А теперь в подобных случаях под рукой всегда есть опытный солдат с противомагической татуировкой.

Единственное, о чем попросили эйнхериев – не приближаться к палатам без необходимости, а уж к операционной и близко не подходить. Все-таки здесь используют в основном магическое лечение – татуировки эйнхериев ему не помогают.

Торай Жизнь провел Креола, Ванессу и Клевентина в самый дальний конец коридора. Видя их приближение, со скамьи поднялась печальная колдунья в красном плаще – уже знакомая Ванессе Делиль Ураган.

– Как он, Торай? – обеспокоенно спросила Делиль.

– Значительно лучше. Сегодня утром наконец пришел в сознание.

– Я могу его увидеть?! – подалась вперед колдунья.

– Это решать не мне… – сдвинулся в сторону главврач.

– Я могу его увидеть, владыка Креол?!

– Ты о чем, женщина? – тупо уставился на Делиль маг.

– Давайте лучше пройдем в палату, – предложил Клевентин. – Пойдемте, дражайшая Делиль.

Эта палата оказалась не просто люксом, а люксом из люксов. Настоящий больничный пейнтхауз – огромная комната с роскошным видом из окна, мебель из красного дерева, шелковые занавески, стол ломится от деликатесов.

И целых восемь кошек. Две с важным видом сидят на полу, три возлежат на постели, еще две – на груди пациента. Восьмая кошка устроилась на столе, деликатно обгладывая куриную ножку.

– А зачем вам так много кошек? – вполголоса спросила Ванесса у Торая.

– Кошки – великолепные энергетические доноры. В их присутствии выздоровление идет быстрее.

Едва войдя в палату, Делиль Ураган бросилась к лежащему в постели – худому изможденному мужчине в больничном халате. При виде гостьи его лицо засветилось непередаваемым счастьем – он обнял прильнувшую к нему колдунью и прошептал:

– Душа моя Делиль, я наконец вернулся из плавания…

– Да, мой капитан!.. – всхлипнула Делиль, покрывая его лицо поцелуями. – Я верила, я надеялась!..

Креол и Ванесса недоуменно переглянулись. Никто из них не видел этого человека раньше. Клевентин же лукаво прищурился и негромко произнес:

– Позвольте представить вам бывшего и, мы надеемся, будущего члена Совета Двенадцати – адмирала Асанте Шторма. Делиль Ураган – его жена.

Брови мага и его ученицы одновременно поползли вверх. А милующийся с женой Асанте наконец обратил внимание на остальных посетителей. При виде Клевентина счастье на его лице мгновенно сменилось злобой – невыразимым, неутолимым бешенством. Клевентин же лишь улыбнулся, пряча глаза.

– Ты!.. – хрипло выдавил из себя Асанте. – Предатель!.. Ты… ты… Почему я все еще жив, если ты здесь?!

– Я посчитал, что будет расточительством позволить вам умереть, адмирал, – поклонился Клевентин.

– А мой корабль?! Мой корабль цел?! – брызгая слюной, прорычал Асанте.

– Целехонек. Стоит в порту и дожидается вас, адмирал.

Услышав это, Асанте облегченно обмяк. В жизни этого холодного и безжалостного человека было лишь две драгоценности – и одна из них сейчас обнимала его за шею, а вторая ожидала в порту.

– Я полагал, что он мертв, – недоуменно произнес Креол.

– Так оно и было, – кивнул Клевентин. – Могу вас в этом заверить – я лично его убил.

– Что?.. – резко повернулась Делиль. – Ты… ты мне не говорил!..

– Это он, душа моя, не сомневайся, – сдавленно процедил Асанте.

– Прежде, чем вы предпримете опрометчивые действия, узнайте, что я же и вернул адмирала к жизни! – торопливо сообщил Клевентин.

Любящие супруги по-прежнему смотрели на него со звериной злобой, но из их глаз хотя бы ушла жажда немедленного убийства. Клевентин облегченно вздохнул – он чуточку опасался этого момента. Конечно, рядом с ним владыка Креол, а в коридоре дежурят эйнхерии – но все же сильнейший гидромант и сильнейшая аэромантка могли бы доставить немало проблем.

– Понимаю, что я вряд ли буду прощен, однако спешу доложить, что именно я распорядился доставить труп адмирала в госпиталь, – приятно улыбнулся Клевентин. – На тот момент мне показалось, что живым он может быть полезнее мертвого.

– Труп был в ужасном состоянии, – заметил Торай. – Даже мне пришлось работать трое суток, прежде чем восстановились жизненные функции – а у меня и без того выдалась нелегкая восьмица. Прошу больше не подкидывать мне настолько тяжелых пациентов.

Клевентин Предатель сокрушенно развел руками. Он не стал упоминать, что первоначально вовсе не собирался воскрешать убитого адмирала – просто приказал выкинуть его за борт. Лишь спустя несколько часов, переговорив за это время с Тивилдормом, он изменил решение и приказал разыскать тело. Сделать это удалось далеко не сразу – к тому времени, как Асанте отыскали, он изрядно пострадал от морской воды и рыбьих зубов.

Разумеется, от Делиль Ураган все это держалось в секрете.

– А сколько времени прошло с момента моей… смерти? – насторожился Асанте Шторм.

– Два месяца.

– Я два месяца пролежал на этой койке?!

– Возблагодарите всех богов, что я вообще справился с таким сложным случаем, – сухо ответил Торай. – Мои возможности не беспредельны.

– Торай… извини… – поморщился Асанте. – Я… я все понимаю… просто… извини.

Потерев лоб, он уставился на Креола с Ванессой и кисло произнес:

– Судя по тому, что на вас и на этом предателе серые плащи… в стране многое изменилось, да? Я так понимаю, войну в Ларии мы проиграли?

– Увы, – приторно улыбнулся Клевентин. – Позвольте представить вам Креола Разрушителя, адмирал. Он новый глава Совета Двенадцати.

– Он не серый, – заметил Асанте.

– Да, капитан, он не серый, – хмыкнула Ванесса. – Удивительно, правда?

– За последние четыреста лет подобного не случалось, – согласился Асанте. – Надеюсь, мне объяснят причину?

Делиль Ураган и Клевентин Предатель общими усилиями изложили Асанте Шторму всю картину. Ему рассказали, что Серая Земля была захвачена, а все прежние серые плащи погибли. Рассказали, что теперь Совет Двенадцати большей частью сформирован из чужаков, а возглавляет его могучий колдун из-за Кромки. Рассказали, что политика перевернулась с ног на голову, а Ктулху и его присные из богов стали врагами.

Выслушав все это, Асанте Шторм пожевал губами, обнял покрепче Делиль и сказал:

– Задам только один вопрос. Я по-прежнему адмирал?

– Если признаешь мое главенство – ты по-прежнему член Совета Двенадцати и командующий флотом, – пообещал Креол.

– В таком случае Асанте Шторм готов принять штурвал, – сказал великий гидромант. – Мне плевать, как зовут главу Совета.

Глядя уходящим посетителям в спины, Асанте пробормотал:

– Ну хотя бы Руорк наконец-то сдох…

Выйдя из палаты, Ванесса долго качала головой, не зная, как к этому относиться. Конечно, теперь у них есть отличный адмирал… но можно ли рассчитывать на его лояльность? Как бы там ни было, еще совсем недавно он воевал против них.

С другой стороны – еще совсем недавно вся Серая Земля воевала против них. Тысячи колдунов и гигантская армия. А теперь то и другое преданно служит Креолу… ну, может и не слишком преданно, но все же служит. Без бунтов дело не обошлось, но теперь все вроде как стихло.

– Пройдемте к следующему пациенту? – предложил Торай, открывая вторую дверь.

За ней открылась… не палата. Гораздо больше это походило на кладовку – длинную, узкую, скудно освещенную. Один-единственный магический светильник, да и в том почти закончилась мана.

– Я по-прежнему считаю, что его не следовало сюда привозить, – заметил Торай, пропуская остальных внутрь. – В моей помощи он не нуждается.

– Просто мы хотели, чтобы вы присутствовали при оживлении, повелитель Торай, – послышалось откуда-то из темноты. – А поскольку госпиталь вы почти не покидаете…

Ванесса вздрогнула – из недр кладовой, которая на поверку оказалась не такой уж и маленькой, выступили две колдуньи. Одна в желтом плаще, вторая в голубом. Та, что в голубом, выглядела совершенно обычной девушкой, а вот та, что в желтом… Ладонь правой руки металлическая – шесть длинных гибких пальцев извиваются подобно тонким шлангам. Левый глаз явно искусственный – темно-красный, покрытый ребристыми насечками. На голове ни единого волоска – череп гладко выбрит, а из затылка торчит титановый шланг. Киборг – не женщина.

– Это Екесс Глаз и Смолтика Тихая, – представил женщин Торай. – Они тут временно, приглядывают за… пациентом.

– Наш учитель поручил нам важнейшую миссию, – гордо произнесла Екесс. – Мы все выполнили согласно его повелениям. Теперь дело за вами, повелитель Клевентин. Вы принесли то, что нам обещал владыка Тивилдорм?

– Да, он у меня с собой, – сунул руку в карман Клевентин.

Он достал оттуда… некую штуковину. Оплавленный металлический цилиндр размером чуть побольше кулака. Точно такие же в достатке можно найти на любой свалке – однако Екесс и Смолтика уставились на него с каким-то болезненным вожделением.

– Прибавьте, пожалуйста, света, – попросил Клевентин.

Екесс Глаз моргнула искусственным глазом, и тот засветился неестественным красным светом. И в этом освещении из глубин кладовой проступила еще одна фигура – неподвижный истукан, похожий на семифутовый металлический скелет. Ванессе он сразу напомнил незабвенного Т-800.

– Раньше подобные эксперименты не проводились, – предупредил колдуний Клевентин. – Мы не знаем, сработает ли…

– Быстрее! – зашипела на него Екесс.

Клевентин пожал плечами и повернул в затылке истукана какой-то рычаг. В сторону отъехала круглая заслонка – Клевентин вложил в нее принесенный цилиндр и отступил на шаг.

Раздалось шипение и урчание. Глаза железного человека начали светиться, пальцы дрогнули, челюсть медленно пошла вниз…

– Повелитель!.. – благоговейно выдохнули Екесс и Смолтика.

– Где-я?.. – издал рокочущий звук истукан.

– Руорк Машинист, слышишь ли ты нас? – громко спросил Клевентин.

– Слы-шу… Я… Я-все-е-ще-жив?..

– Он все еще жив?! – поразилась Ванесса. – Но как?!

– Хороший вопрос, – недовольно кивнул Креол. – Я же своими глазами видел, как он взорвался. От него осталось только… да вот эта штука и осталась! Та, которую ты сунул ему в башку!

– Именно так, – кивнул Клевентин. – Эта штука содержала душу повелителя Руорка.

Руорк Машинист медленно шагнул вперед и поднял руки к лицу, пристально их рассматривая. Потом он ощупал себя со всех сторон, проверил на подвижность каждый сустав и оглушительно расхохотался:

– Ка-ка-ка-ка-ка-ка-а-а-а!!! Я знал, что у меня получится! Ка-ка-ка-ка-ка-а-а!.. Пусть рыдают завистники – я все-таки сумел обрести подлинное бессмертие! Я – первый технолич!!! Вот он – триумф техномагии!!!

Его голос звучал неестественно – с каким-то металлическим акцентом. Однако слова он выговаривал вполне отчетливо, а от его лязгающего смеха закладывало уши.

– Вот я, прекрасный Руорк Машинист! – горделиво согнул руки в локтях технолич. – Я вижу все вокруг себя одновременно! Я слышу, как букашка ползет на соседней улице! В моих предплечьях лучистые пушки! В запястьях циркулярные пилы! В левом бедре установка синтеза псевдоматерии! А еще у меня есть огнемет, парализатор, глушитель, ядоплюй, всережущий бумеранг и столько прочего оружия, что хватит на армию! Мои пальцы – универсальные инструменты! В груди защитный экран-отражатель и высокоемкий накопитель маны! Я могу плавить металл в собственных ладонях! Я летаю, плаваю, телепортируюсь! И я неразрушим! Я сделан из сверхпрочной зачарованной стали! Пусть трепещут враги, ка-ка-ка-ка-ка-ка-ка-ка-ка-ка-а-а-а-а!!!

Завершив эту хвастливую браваду, Руорк наконец обратил внимание на тех, кто его окружал. Он впервые рассмотрел внимательно Креола – и стальная челюсть чуть заметно опустилась.

– Ты… я тебя помню, – осторожно произнес он. – Я тебя хорошо помню. Почему ты в сером плаще? И что это за девка тут… тоже в сером плаще?..

– Эй! – нахмурилась Ванесса.

– И ты… ты ведь Клевентин, так? – пренебрежительно посмотрел на толстого колдуна Руорк. – Я помню, ты прислуживал Яджуну, помогал ему… с чем-то там. С какой-то ерундой. Не помню, какой плащ у тебя был, но вроде бы из «незабудок». Почему ты в сером плаще? Что за дерьмо тут творится? Где Бестельглосуд и остальные? Йоганц жив?

– Начинаем по второму кругу, – устало вздохнула Ванесса. – Опять объяснять все заново.

На сей раз времени пришлось потратить еще больше – Руорк Машинист погиб раньше Асанте Шторма. Он очень долго не мог поверить, что ларийская война окончилась полным крахом Серой Земли, а родная страна захвачена иноземцами.

Но в конце концов Руорк признал неоспоримую реальность. Грустно качающие головами ученицы подтвердили каждое слово этих ублюдочных чужаков. Уже не радуясь и не восторгаясь новым телом, технолич напряженно задумался.

Несравненный Руорк Машинист всю жизнь искал путь к физическому бессмертию. Он глубоко презирал свое природное тело – мягкое, хлипкое, с хлюпающими внутри жидкостями. На протяжении многих лет он заменял одну часть за другой, становясь все крепче и могущественнее – но ему было этого мало. Он желал себе тело целиком из металла, способное просуществовать века и тысячелетия.

Великий техномаг работал над финальным экспериментом долгие годы, все совершенствуя и совершенствуя свое будущее вместилище. Еще за пять лет до смерти Руорк внедрил себе в грудь практически неразрушимый контейнер и перегнал в него активную часть своей души. Тогда же он выдал все необходимые инструкции самым преданным своим ученицам – что делать в случае его преждевременной кончины.

– Я не хочу умирать, едва родившись во второй раз, – наконец произнес Руорк. – Если вы оживили меня только для того, чтобы устроить показательную казнь, я снова самоуничтожусь – и подорву вас всех вместе с собой! У меня в животе бомба!

– О, не беспокойтесь, – устало помахала рукой Ванесса. – Мы просто хотим предложить вам вернуться в Совет Двенадцати.

– Это мне нравится больше, – резко оживился Руорк. – Где мой серый плащ? Я без него как голый… ах да, я же и есть голый. Еще одно преимущество технолича – одежда больше не нужна.

– Серый плащ вам вручат на следующем заседании, после голосования, – сладко улыбнулся Клевентин.

– Я хочу сейчас, – клацнул стальными челюстями Руорк.

– Да на, возьми мой, – расстегнул аграф Креол. – Я все равно на него соус пролил.

Клевентин и Руорк ужасно опешили, а Ванесса заливисто рассмеялась. Вот в такие моменты она понимала, почему влюбилась в этого человека.

Несмотря на явное нарушение правил, от креолова плаща Руорк не отказался – пусть тот и оказался ему маловат. Технолич с нескрываемым удовольствием застегнул обновку на стальных плечах и с интересом поглядел на аграф с эмблемой. Последние сто лет колдовские плащи серых скрепляла одна и та же застежка – стилизованное изображение Ктулху. Теперь рисунок сменился на перечеркнутый круг с двумя значками в верхней и нижней половинах – символ иштарианства.

– Я проведу себе техосмотр… – задумчиво произнес Руорк, – кое-что подлатаю… я уже чувствую, какие детали у меня барахлят… сделаю парочку усовершенствований… и через два-три дня буду в вашем распоряжении, владыка Креол. Ктулху фхтагн!.. или как у вас теперь положено говорить?

– Да как хочешь, – пожал плечами маг. – Мне наплевать.

Оставив Екесс и Смолтику хлопотать над своим роботообразным учителем, Креол с Ванессой вышли в коридор. Ванесса саркастично хмыкнула:

– И кто же третий, мистер Клевентин? Кого вы еще нам оживили – Ригеллиона Одноглазого? Или Бестельглосуда Хаоса?

– К сожалению, к тому времени, когда закончилась ларийская война, для повелителя Ригеллиона было уже слишком поздно, – огорченно вздохнул Клевентин. – Даже наш высокочтимый Торай не совладает с настолько разложившимся трупом… который к тому же неизвестно где находится. Увы, разыскать его так и не удалось… Что же до владыки Бестельглосуда…

– Я убил его адамантом, ученица, – растянул губы в улыбке Креол. – Его не оживит никакая магия.

– Нет, к сожалению, единственным достаточно свежим трупом в нашем распоряжении был повелитель Асанте, – развел руками Клевентин. – В случае же с повелителем Руорком нашей заслуги нет – он позаботился о себе сам.

– Мудрый человек, – одобрительно кивнул Креол.

– То же самое касается и третьего из наших новых друзей, – открыл дверь Клевентин. – Прошу вас.

Палата Асанте Шторма была обычной больничной палатой, хотя и роскошной. Палата Руорка Машиниста скорее напоминала просторную кладовку. Сейчас же Креол с Ванессой вошли в какую-то лабораторию. Слева и справа – операционные столы со зловещими инструментами. Полки уставлены банками с человеческими органами и еще какой-то гадостью. А в самом центре высится огромная колба, заполненная зеленоватой жидкостью. От нее идут трубки, шланги…

А внутри плавает человек.

Или не совсем человек. Скорее гомункул – довольно уродливый человекоподобный гомункул. Совершенно лысый, с идеально гладкой кожей, но старческими чертами лица. Креол рассказывал, что именно так выглядит

классический тип гомункула – в виде старообразного младенца.

Правда, это существо несколько крупнее младенца. Невысокий – от силы пять с половиной футов – но несомненно взрослый. Ванесса не могла различить сквозь зеленую жидкость черт лица, однако ее сразу охватило недоброе подозрение…

Торай Жизнь прошел к колбе, повернул большой вентиль, спуская воду, по очереди дернул за два рычага – и дверь распахнулась. Лысый уродец издал мяукающий звук и ступил на пол, обертывая чресла протянутым полотенцем. За ним тянулся какой-то упругий канатик цвета сырого мяса.

– Снова здравствуй, деточка, – улыбнулся он Ванессе. – Рад, что мы опять увиделись.

– Мурок Вивисектор! – ахнула та.

– Собственной персоной, прошу любить и жаловать, – поклонился великий биомаг. – Вы по мне скучали? Скучали-скучали, не надо отрицать очевидного. По мне все скучают.

– Кто это? – хмуро спросил Креол. Он-то с Мурoком никогда не встречался.

Ему объяснили. А вот самому Мурoку ничего объяснять не пришлось – в отличие от Асанте с Руорком он уже давно был в курсе всех изменений.

Несмотря на то, что последние два месяца провел в банке.

– Так вы тоже создали себе запасное тело… – задумчиво произнесла Ванесса.

– О, но это же такой пустяк для колдовской медицины, – расплылся в улыбке Мурок. – Я заранее позаботился о том, чтобы в случае смерти мой дух отправился не на тот свет, а вот сюда, в мою лабораторию, к моему эмбриону – он тогда был вот такусенький! – и моему лучшему ученику – Тораю Жизнь. А он уже позаботился об остальном. Хотя не скрою, умирать было… неприятно. Не хотелось бы повторять это ощущение. Давай больше не будем ссориться, деточка.

– Не подходи ко мне, – отстранилась Ванесса. – Мистер Клевентин, вы уверены, что вот этот Франкенштейн нам нужен? Может, измельчим его и выльем в унитаз?

– Не надо грубить без причины, – сделал шаг вперед Мурок. – Мне казалось, что мы с тобой друзья…

– Ребята из Дахау тебе друзья, – взялась за пистолет Ванесса. – Не подходи, сказала, а то мозги вышибу!

– Почему со мной так невежливо обращаются? – надул губы Мурок. – Это у вас так принято – мучать новорожденных? Я еще не обсох от амниотической жидкости, а меня уже хотят убить!

Ванесса жалобно посмотрела на Креола. Тот равнодушно зевнул и сказал:

– Решай сама, ученица. Если хочешь, я испепелю его прямо здесь и сейчас – мне не трудно.

Ванесса открыла было рот… однако все же заколебалась. Конечно, у них с Мурком Вивисектором были разногласия, он проводил эксперименты над людьми и вообще похож на доктора Менгеле… но в своем ремесле он и в самом деле специалист, этого у него не отнять. Столь выдающимися умами нельзя так просто разбрасываться…

– Ладно, пусть живет… пока что… – неохотно согласилась девушка. – Но я буду лично за ним присматривать!

– Ты не пожалеешь об этом, деточка!

– Уже жалею. Кстати, что это за канат у вас такой?

Мурок проследил за взглядом Вон, понимающе улыбнулся и поднял с пола канатик, тянущийся от колбы-репликатора. Один его конец заканчивался где-то в глубинах биомагического прибора, другой крепился к животу Мурока. Залихватски перекинув этот шланг через руку, Мурок весело подмигнул и сказал:

– Это, деточка, моя пуповина. Правда, симпатичная?

Ванесса почувствовала легкую тошноту. На лице Креола тоже проступила брезгливость.

– К сожалению, мое тело еще недостаточно окрепло, – виновато развел руками Мурок. – Поэтому я пока что вынужден проводить большую часть времени в репликаторе. Но реабилитационный период уже заканчивается – с каждым днем я все дольше остаюсь на воздухе. Еще немного, и я окончательно рожусь. Правда, здорово?

– Я рассчитываю перерезать пуповину в конце этой восьмицы, повелитель Мурок, – сообщил Торай, вылезая из репликатора. – Ваша плацента уже начала подсыхать, и вы в ней практически не нуждаетесь. В принципе, вас можно выписать уже сейчас, но я бы все-таки рекомендовал повременить еще чуть-чуть.

– Ты всегда был хорошим учеником, Торай, – похвалил его Мурок. – Немножко слюнтяем, но талантливым. Я знал, что ты меня не подведешь.

– Это мой врачебный долг.

Глава 5

Проснувшись на следующее утро, Ванесса долго рассматривала потолок. Вставать не хотелось.

Вчера они посетили немало иххарийских достопримечательностей. Тивилдорм и Клевентин представили Креолу еще нескольких красных плащей, но до места в Совете Двенадцати те явно не дотягивали. Главной кандидаткой по-прежнему оставалась Кодера Ясновидящая, однако Ванессе почему-то не хотелось видеть на этой вертлявой стерве серый плащ.

Вон даже предложила переименовать Совет Двенадцати в Совет Одиннадцати. Какая разница, сколько именно там человек? Однако Тивилдорм сразу встал на

дыбы, заслышав столь еретичное предложение.

Хотя сам когда-то вообще пытался распустить Совет и править единолично.

Так или иначе, ближайшее заседание Совета Двенадцати назначено на следующую восьмицу – и на него приглашены все красные плащи. Там в новых должностях утвердят профессора Лакластороса и троих воскрешенных колдунов – если, конечно, Креол насчет них не передумает. Там же будет избран и последний серый плащ, двенадцатый.

Кроме деловых поездок и встреч вчера было выкроено немного времени и для отдыха. Шамшуддин предложил Креолу с Ванессой посетить театральное представление. Будучи большим ценителем искусства, кушит-полукровка успел плотно познакомиться с богемной жизнью Иххария.

Ванесса предпочла бы дискотеку, но до подобного на Рари пока не додумались.

Зато театров, как выяснилось, в столице Серой Земли довольно много. Это развлечение – чуть ли не самое любимое у местного населения. Они с давних лет обожают пьесы – трагические, комические, любые.

Даже в мрачные времена ктулхуизма театры продолжали работать – среди колдунов тоже хватало ценителей этого искусства. Сам Бестельглосуд Хаос посещал чуть ли не каждую премьеру, а лучшие режиссеры пользовались его личным покровительством. Пользуясь снисходительным отношением властей, они порой позволяли себе вольности – подшучивали в своих спектаклях над Советом Двенадцати и даже над грозными Древними.

И это почти всегда сходило им с рук.

Почти, но все же не всегда. Когда, например, в одной пьесе появился злобный парализованный старикашка, в котором только слепой не разглядел бы пародию на Тахема Тьму, автору это с рук не сошло. В отличие от того же Бестельглосуда, Тахем ненавидел театр и не понимал шуток. Уже на следующий день после премьеры труппа была разогнана, а режиссер и автор пьесы бесследно исчезли.

Особо в Иххарии выделяются три театра. Первый из них, Армейский, отличается циклопическими размерами и сценой размером с футбольное поле. Первоначально его строили специально для развлечения солдат, однако со временем туда зачастили и гражданские – особенно их привлекли низкие цены. Представления Армейского театра славятся батальными сценами – профессионально поставленными, с огромным числом участников. Многие актеры – отставные и даже действующие военные.

Еще более популярный театр – Священный. Представления в нем шли удивительно нудные и неинтересные, утопающие в религиозном пафосе. Тем не менее, на них всегда был аншлаг. Объяснялось это тем, что в Священном театре трудилось несколько колдунов-иллюзионистов – одно время их возглавлял сам Стефаль Прекрасный. Благодаря их усилиям спектакли, крайне слабые сюжетно, отличались поистине фантастическими спецэффектами. Туда ходили, как в пещеру ужасов – поглазеть на кошмарных Древних, предстающих на сцене точно во плоти. Теперь, когда ктулхуизм стал запрещенным, Священный театр временно закрылся – на ремонт, переоборудование и смену репертуара.

Но всех затмевает главный иххарийский театр – Колдовской. Самый популярный, любимый даже крупными колдунами. На самом лучшем месте расположена роскошная правительственная ложа – только для членов Совета Двенадцати, буде кому-то из них захочется посетить представление. Именно там вчера и сидели Креол, Ванесса и Шамшуддин.

Сами по себе спектакли в Колдовском театре вполне обыкновенные – с небольшим количеством актеров и минимумом спецэффектов. Зато директором и бессменным режиссером там трудится Биземен Сказочник, лучший драматург Серой Земли. Он колдун, окончил факультет метеомагии, носит фиолетовый плащ – но славится отнюдь не заклинаниями, а литературным талантом. Каждая пьеса несравненного Биземена – настоящий шедевр.

«Король в маске» и «Туча мошкары», «Хозяева морей» и «Ужас во тьме», «Страшная месть» и «Четыре тысячи», «Гидромант и техномаг» и «Муж колдуньи», «Дочь тысячи демонов» и «Черный мост» – эти названия известны каждому жителю Серой Земли. Пьесы Биземена изобилуют убийствами и предательствами, в них множество тайн и загадок, каждая сцена напоена любовью и коварством, и их не рекомендуется смотреть детям. Многие основаны на реальных событиях – хотя имена всегда изменены, а действие перенесено за границу или в далекое прошлое.

Вчера Биземен Сказочник представил на суд зрителей свое последнее творение – упоительную драму «Смерть солдата». Ванесса смотрела на сцену со смешанными чувствами – нахальный драматург явно изобразил в главном герое Ригеллиона Одноглазого. Конечно, он переместил события в позапрошлый век, в один из султанатов Закатона – но понять, кто есть кто, не составляло труда.

Особенно тому, кто видел все собственными глазами.

В пьесе покойный Ригеллион (переименнованный в Хаймема Ликсирр-тха) предстал трагическим героем. Биземен омолодил его почти втрое, добавил любовную линию и изменил концовку – в измененном варианте герой погибал из-за предательства лучшего друга. Правда, убили его в спину, как и в реальности, но при совершенно иных обстоятельствах.

Креолу представление понравилось. Кажется, он не догадался, что за событие послужило основой для сюжета. Ванесса решила ему этого не говорить – неизвестно, как ее учитель к подобному отнесется. Может разозлиться, а может и обидеться – ведь как раз его самого из истории вырезали, заменив каким-то замухрышкой, лучшим другом главного героя.

Раздумья Ванессы были прерваны скрипнувшей дверью. В опочивальню вошла серокожая девушка лет восемнадцати – очень красивая, в ярко-розовой униформе с кружевным фартуком и чепчиком.

– Приятного вам утра, повелительница Ванесса, – прощебетала девушка. – Часы уже пробили девять утра – не хотите ли вы вставать?

– Да, пора уже, – приподнялась на подушках Вон. – А ты, собственно, кто?

– Я Миали, ваша персональная горничная. Повелитель Ропер лично выбрал меня из четырехсот девушек, прибирающих в Промонцери Царука. Если вы не возражаете, отныне я буду вам прислуживать, повелительница.

Не тратя зря времени, горничная быстрым движением раздвинула шторы, впустив в помещение солнечный свет, и проскользнула в ванную – там сразу зашумела вода.

– Желаете ли вы принять утреннюю ванну или ограничитесь умыванием, повелительница? – услужливо спросила Миали.

– Нет, ванны не надо, – отказалась Вон. – Мне бы лучше чашечку кофе…

– Сию минуту, повелительница, – юркнула за дверь Миали.

Поднос с чашкой дымящегося кофе, сахарницей и кувшинчиком сливок был доставлен уже через пять минут. Благодаря Шамшуддину персонал Промонцери Царука уже привык иметь в наличии кофе – всегда, везде и в больших количествах.

Расставив приборы на столе, горничная вновь юркнула в ванную, застав Ванессу за чисткой зубов, и принялась деловито расчесывать ей волосы. Движения Миали были отработаны до абсолютного автоматизма, и это даже чуточку пугало.

Закончив расчесывать и прихорашивать свою госпожу, Миали так же споро помогла ей одеться и бережно застегнула на плечах серый плащ. После этого она замерла, наблюдая, как Ванесса пьет кофе.

– Послушай, а это все… это обязательно? – смущенно спросила Вон, косясь на застывшую рядом девушку.

– Я… я что-то сделала не так, повелительница?! – искренне испугалась Миали. – Вы мной недовольны?!

– Ладно, раз уж мы в Риме – будем вести себя, как римляне… – вздохнула Ванесса.

– Простите, я не поняла…

– Да не обращай внимания.

Наслаждаясь утренним кофе, Ванесса пыталась оформить тревожащую ее мысль. Поставив пустую чашку, она наконец сообразила:

– Стоп. А к Креолу тоже приставлена… горничная вроде тебя?

– Что вы, повелительница, как можно?! – ужаснулась Миали. – Колдунам-мужчинам прислуживают валеты.

– Валеты?.. Это кто еще?

– А… это такие же горничные, только мужского пола, – объяснила Миали.

Повелитель Ропер предупреждал ее, что новая госпожа воспитывалась в другой стране и не знакома со многими обыденными вещами. Однако Миали не думала, что та даже не знает, кто такие валеты и чем они занимаются.

Из-за крохотной дверцы в углу вдруг раздались приглушенные крики и грохот. Ванесса улыбнулась – похоже, Креол тоже проснулся. Кем бы ни был его валет, ему точно сейчас не позавидуешь.

Однако шум был что-то уж очень сильным. Ванесса решила, что необходимо вмешаться – не то Креол кого-нибудь убьет, а ей потом мучаться угрызениями совести.

Но пройдя по сквозному коридорчику и оказавшись в опочивальне своего учителя, Вон онемела. Нет, она ожидала чего угодно, но только не того, что посреди комнаты будет стоять во весь свой гигантский рост Хубаксис… одетый в розовую униформу горничной.

Кружевной чепчик на его роге смотрелся очень мило.

– Пошел вон!!! – бешено ревел Креол, колотя джинна посохом.

– Но хозяин, я принес кофе… с плюшками… – нудил Хубаксис, протягивая поднос. – Плюшки с корицей, вкусные!

– Я… тебя… убью!!!

Ванесса умиленно склонила голову набок. Про себя она отметила, что плюшки и в самом деле пахнут очень аппетитно. Надо будет в следующий раз тоже

заказать.

– Хуби, а почему ты так разоделся? – поинтересовалась она, подходя ближе.

– Потому что я теперь этот… как его… горничный! – гордо ответил джинн.

– Ты идиот!!! – взревел Креол.

– Ты отличный горничный, Хуби, – утешила джинна Вон. – Не слушай Креола, он ничего не понимает. Дай-ка мне плюшку.

Креол наконец устал орудовать посохом и уселся на кровать, тяжело дыша. Он смерил своего раба злым взглядом – с тех пор, как тот «перелинял» во взрослого джинна, колотушки хозяина сделались ему практически безразличны.

Не адамантом же его наказывать.

Немного подумав, Креол все-таки тоже решил испить кофе с плюшками – восстановить силы. День ожидается насыщенный, энергии потребуется много.

– Что у нас сегодня по плану? – деловито спросила Ванесса.

– До обеда заглянем в «Банку Скорпионов» и к алхимикам, – подумав, ответил Креол. – После обеда осмотрим оружейные заводы и порт. Ну и в казармы прокатимся, если успеем.

– А мне можно?! – оживился Хубаксис.

– Нет.

– Хозяин, я могу тебя на спине довезти! Я быстро долечу! Гораздо быстрее, чем на колесах!

– Нет.

– А правда, почему бы нам не полететь? – вступилась за Хубаксиса Вон. – Так же правда гораздо быстрее будет.

Креол поморщился. Честно говоря, единственным его аргументом было то, что Хубаксис его раздражает. Раздражает намного сильнее, чем когда он был маленьким ничтожным духом-советчиком. Теперь, вымахав с хорошую каланчу, джинн постоянно рвется помогать хозяину – а хозяина эта назойливость раздражает!

– Он меня раздражает, – наконец произнес вслух Креол. – Я уж лучше своим ходом полечу.

– А я тогда возьму гравиранец! – обрадовалась Ванесса. – Черт, давно хочу испытать эту штуку в нормальном небе, без этой гребаной скони!

– Но хозяин!.. – заныл Хубаксис.

– Хорошо, – сдался Креол. – Ты можешь лететь следом – на случай, если я устану. Но не вздумай мне досаждать.

Джинн расплылся в широченной улыбке.

– И одежду эту чтоб снял!!! – рявкнул маг.

Единственный глаз Хубаксиса наполнился укоризной. Ему понравился новый костюм. Но слово хозяина – закон, и джинн неохотно встряхнулся всем телом, заставляя униформу исчезнуть. Подобные трюки теперь получались у него сами собой.

Гулять по Промонцери Царука – занятие утомительное. Эта грандиозная цитадель сама размером с маленький город – почти правильный каменный куб с ребром в тысячу футов. Плюс еще четыре «кубика» поменьше – Северный, Южный, Восточный и Западный корпуса. В первом расположены посольства заморских держав, во втором живет обслуживающий персонал, в третьем разместились алхимические лаборатории и артефактные мастерские, а четвертый занимает огромный зверинец, поделенный между некромантами и бестиологами.

Одна только пробежка из одного конца Цитадели Власти в другой занимает битый час – особенные мучения доставляют лестницы. К счастью, кое-где в стенах таятся скрытые порталы – опытные слуги знают, где их искать и как активировать. Строго говоря, простолюдинам запрещено их использовать, но колдуны закрывают на это глаза – кому хочется, чтобы обед приносили остывшим?

Сейчас Креол с Ванессой спустились на самое дно, в подземную часть Промонцери Царука, в длинный темный коридор, уходящий далеко в сторону и весь усеянный противодемоническими печатями. Хубаксис, выучивший цитадель как свои шесть пальцев, проводил мага с ученицей в гигантский цех с мраморной чашей в центре. По ее краю медленно плыл Тивилдорм Призрак – это именно он руководил проектом «Банка Скорпионов».

Когда мертвый колдун рассказал Креолу, что за штуку в свое время изобрели демонологи Серой Земли, тот залился в бешеном хохоте. Ему чрезвычайно понравилась эта мысль, и он дождаться не мог, когда наконец увидит результат.

Ванесса при том разговоре не присутствовала, поэтому сейчас с любопытством поднималась по ступеням, не зная, чего ожидать. А взобравшись на самый верх и увидев содержимое исполинской чаши – не нашла слов.

Внизу сидели полудемоны. Полторы сотни захваченных в плен испронгша и винджен. Прикованные цепями, чудовища смотрели наверх с невыразимой злобой, изрыгая хриплые ругательства и скрежеща зубами. В самом центре виднелся особенно крупный испронгша с дырой вместо правого глаза – Андрей Юмашев, бригадир полудемонов. Он сидел молча, всем своим видом излучая ненависть.

Впрочем, наружу все равно не доносилось ни звука. Как сообщил Тивилдорм, эта гигантская клетка была создана лично им – еще в те далекие времена, когда он дышал полной грудью. «Банка Скорпионов» была одним из величайших его изобретений – наряду с Живым Кладбищем и Сферой Жажды. Увы, при жизни он так и не успел опробовать ее на практике – банально не смог насобирать достаточно демонов… или хотя бы полудемонов, как здесь.

Зато теперь…

Страшные лезвия испронгша режут даже камень и металл, а жгучий яд винджен способен разъесть что угодно – но из этой мраморной чаши они выбраться не могли. Могущественные чары просто не позволяли, запрещали им причинять вред стенам – и на белоснежной поверхности за два месяца не появилось даже царапинки. Невидимая крышка, накрывающая чашу сверху, пропускала воздух – но ничего другого. Идеальная клетка для демонических порождений.

– Мне казалось, что их было больше, – задумчиво произнесла Ванесса.

– Живыми мы взяли не всех, – с сожалением произнес Тивилдорм. – Одни погибли еще под Симбаларем, другие утонули в заливе Бурь, третьих убили в Иххарии. Но большинство выжили – это на редкость живучие твари. Однако жить им осталось недолго…

– И что вы собираетесь с ними делать?

– Я?.. Ничего! – залился смехом Тивилдорм. – Они сами все сделают. Мы ведь их тут не кормим. Эти твари могут прожить без еды очень долго – но рано или поздно у них слипнутся кишки с голодухи. И вот тогда…

– Тогда начнется самое интересное, – осклабился Креол.

– Да что начнется-то? – не понимала Ванесса.

– Они начнут жрать друг друга, – потер призрачные ладони Тивилдорм. – Здесь будет настоящая бойня… кровь будет литься реками… твари будут биться между собой, пока не сожрут друг друга. Остаться должен только один! И этот последний… о, как же я хочу это увидеть!

Ванесса вспомнила созданного Тивилдормом трупомонстра – он тогда точно так же лучился от восторга. Наверняка и в этот раз результатом его чар будет какая-нибудь невероятная мерзость.

Но для очистки совести Вон все же спросила – что планируется получить в самом конце?

– Демоволка! – предвкушающе облизнулся Тивилдорм. – Настоящего, живого демоволка! Последний оставшийся полудемон вберет в себя силу всех сожранных, станет чудовищем невероятной силы – и отныне будет есть только демонов! Демоволк – чудесное, изумительное существо, создать которое я мечтаю уже больше четырехсот лет! И теперь я его наконец-то создам! Теперь у меня наконец-то достаточно материала! Мое детище будет верным псом владыки Креола – и да вострепещут поганые Древние!

Глава 6

Скудное, скверное освещение. Ни одного окна. Никаких магических светильников. Только обычные восковые свечи. Их мерцающее пламя озаряет две дюжины алхимических печей, чьи дымоходы уходят куда-то в стену, длиннющий лабораторный стол, беспорядочно уставленный колбами и ретортами, перегонный куб размером с хорошего быка и громадный фолиант, прислоненный к стене. Один человек не смог бы даже поднять этот исполинский том – в четыре фута высотой, в два шириной, в один толщиной. Переплет сделан из коры грушевого дерева, а вместо страниц – восковые таблички.

Посреди этой лаборатории приплясывал и безудержно жестикулировал лохматый старикашка с клочковатой бороденкой. Его красный плащ валялся в углу, как ненужная тряпка – Себастиус Трансмутатор вообще плохо понимал, зачем ему эта неудобная одежонка. Любимая мантия гораздо привычнее – за десятилетия работы она обзавелась десятками пятен и дыр, насквозь провоняла реактивами и по ночам ползает под кроватью, поедая мышей и тараканов.

Всю эту громадную алхимическую лабораторию можно описать одним словом – безумие. Здесь безраздельно царит великий Себастиус – и его гений может сравниться лишь с его же безумием.

Последние полчаса Себастиус Трансмутатор в подробностях объяснял Креолу и Ванессе свое открытие – происхождение адаманта. Поначалу Креол слушал его с горящими глазами, но понемногу на его лицо наползало разочарование. Он-то полагал, что знание этой тайны поможет раздобыть еще адаманта – хоть немного. А теперь выясняется, что не стоит даже пытаться.

– Проклятый Тай-Кер… – пробормотал маг. – Вот почему он так улыбался…

– А, что?! – отрывисто взлаял Себастиус. – Я не расслышал!

– Я не тебе! – рявкнул на него Креол. – Так значит, адамант образуется из божественной плоти… Я и представить себе не мог…

– Именно, именно так! – часто закивал Себастиус. – Я нашел, я открыл, я доказал! Над этим бился еще мой учитель, Тарзигрег Борода, но он ничего не добился! Ничего! Он был близок к разгадке, но так ничего и не добился! Ему помешали!

– Помешали? – удивилась Ванесса. – Кто?

– Случай! Нелепый случай! Тарзигрег был великим алхимиком, он совершил много открытий! Однажды он размышлял в своем саду над возникновением адаманта – и он был уже близок к разгадке, как вдруг ему на голову упало яблоко! Очень большое и тяжелое яблоко! От этого Тарзигрег повредился в уме и больше ничего с тех пор не открыл! Он стал сумасшедшим! Совершенно сумасшедшим!

– Сумасшедшим?.. – скептически хмыкнула Ванесса. – Более сумасшедшим, чем…

– Чем кто?! Чем кто?!

– Да нет, никто. Продолжайте.

– После того, как Тарзигрег спятил, его дело продолжил я – и я его закончил! – вскричал Себастиус, встряхивая пухлой стопой листов. – Здесь у меня все исчисления, все выкладки! Посмотрите, посмотрите сами!

– Верю на слово, – отодвинул его рукописи Креол. – Но меня это не устраивает. Адамант точно никак нельзя получить искусственно?

– Совершенно точно! Никак, невозможно, никак! Только найти, только найти в земле!

– А если… хм… обработать? У нас в наличии есть тела зверобогов… это, конечно, не настоящие боги, но их плоть все еще обладает некоторыми свойствами… Что если взять их и… хм… ускорить над ними время? В миллион раз. Или в десять миллионов.

– Ба-а! – презрительно отмахнулся Себастиус. – Это такая же глупость, как привязать на спину крылья и пытаться летать!

– Почему это? – зло сощурился Креол. – Ты же сам сказал…

– Да ты что, вообще не слушал моих объяснений?! – в сердцах швырнул оземь бумажную стопку Себастиус. Листки разлетелись по полу. – Меня окружают полные кретины! Недоумки! Что вы вообще знаете о том, как формируются минералы?!

Лицо Креола начало чернеть. Он не любил, когда с ним говорили в таком тоне.

Однако на сей раз маг проглотил гордость. Несмотря на все чудачества, Себастиус Трансмутатор – воистину бесценный кадр. Пусть он кричит, пусть обзывается, пусть хоть нагадит посреди зала Совета – лишь бы исправно работал.

Потому что заменить его некем.

Не переставая брюзжать и поминутно срываясь на крик, Себастиус объяснил все еще раз с самого начала – на этот раз в деталях, с подробностями. Он буквально на пальцах растолковал, что ускорение времени получить адамант не поможет, как не поможет получить каменный уголь из дерева или солдата из младенца. Такие сложные процессы не решаются так легко.

Для того, чтобы адамант мог оформиться в своем истинном виде, ему нужно множество различных условий. И главное – «сырье» должно быть на миллионы лет погружено в земные недра. Там, под влиянием меняющихся температур, давления и химических условий, и рождается металл, что прочнее всего на свете и способен стать оружием, от которого нет защиты.

Но и это еще не все. Кроме особых условий будущему адаманту необходимо «питаться». Даже после гибели божественная плоть продолжает поглощать рассеянную, стихийную ба-хионь, всегда присутствующую в пространстве. За миллионы лет этих микроскопических частиц набирается достаточно, чтобы образовать адамант. При этом царь металлов привередливо выбирает среди окружающей ба-хиони только ту, что нужна именно ему. Как и мана, ба-хионь не однородна – существуют сотни ее видов, и все они обладают разными свойствами.

– Тогда как же вы создаете адамантий? – спросила Ванесса.

Себастиус запнулся и принялся рассматривать девушку так, словно силился понять – что это за непонятное существо и откуда оно взялось в его лаборатории? Не зародилось ли само собой, в алхимическом тигле?

– Я… создаю… адамантий… алхимическим… путем… – как можно разборчивее произнес Себастиус.

– И как это происходит? Мне ужасно интересно.

– Правда?! – резко вытянулся Себастиус. – В самом деле интересно?!

– Просто безумно.

Ванессе действительно было интересно. Она впервые в жизни оказалась в настоящей алхимической лаборатории и ей очень хотелось своими глазами увидеть, как тут все происходит.

Себастиус Трансмутатор, в свою очередь, был несказанно обрадован, что кому-то его работа интересна. Обычно всем требовался только результат – вынь да положь такое-то вещество, и чтоб завтра уже было готово. Лишь Йоганц Изменяющий заходил к полубезумному алхимику просто так, в гости – и для него у Себастиуса всегда находились совершенно особые рецепты.

– Пожалуйста, пожалуйста, – захлопотал старик перед Ванессой. – Я все покажу, весь процесс, каждую деталь. Великая наука алхимия учит тому, как возникли вещи из элементов, и о всех неодушевленных вещах, а еще о том, как доводить

несовершенные камни до истинного совершенства, больное тело человека – до благодатного здоровья, а металлы обращать друг в друга по своему желанию! Пожалуйста, пожалуйста, взгляните сюда! Я покажу, как приготовляется основа основ алхимии – философский камень!

Себастиус подвел Ванессу к огромной алхимической печи в форме башни – атанору. Состоящая из двух частей, абсолютно герметичная, с идеально плотно прилегающей крышкой и стекловидным смотровым отверстием. В ее недрах пылали дрова, политые растительным маслом, а в самом центре виднелось хрустальное философское яйцо – именно в нем и варился философский камень.

– Первая стадия Великого Делания – кальцинация! – торжественно объявил Себастиус. – Мы берем первичную материю – например, киноварь или серную сурьмяную руду – и на сорок три дня помещаем ее в атанор! Ровно на сорок три! В течение этого времени материя становится черной и жирной – и когда она наконец достигает нужной консистенции, мы извлекаем ее, извлекаем… вот, пожалуйста, смотрите!

Себастиус перебежал к другому атанору, поменьше. Ванесса с интересом заглянула в смотровое отверстие – внутри тоже лежало философское яйцо, но его заполняла совершенно черная субстанция.

– Это уже можно вынимать! – взвизгнул Себастиус, хватая клещи.

Работая с печью, старик аж светился от пронизывающих его чар, от маны, хлещущей сквозь костлявые пальцы. Алхимик – источник магической энергии для своих процессов, так он управляет и контролирует превращение веществ. Именно поэтому философский камень невозможно получить на обычном заводе, как порох или сталь – необходим обученный маг, который сделает все своими руками.

– Вторая стадия – коагуляция! – объявил Себастиус, перенося философское яйцо на стол. – Мы обрабатываем сырье алхимической водой! Даже простая вода растворяет, коагулирует все, что сгустилось, но алхимическая вода есть плотный белый пар, проникающий в совершенные тела и соединяющийся с ними – она все очищает, моет, белит и окрашивает!

Ванесса толком не разглядела, что там делал Себастиус, но по завершении его работы черная грязь в философском яйце стала белой и очень густой.

– Третья стадия – фиксация! – взвизгнул Себастиус, выливая белую суспензию в форму. – Здесь несовершенный камень спустя семь дней станет твердым… вот таким!

Алхимик перебежал к соседней форме, в которой действительно лежал уже готовый философский камень – снежно-белый, в форме ромбовидного кристалла.

– Так вот как выглядит философский камень?.. – подалась вперед Ванесса.

– Он еще несовершенен! – презрительно отмахнулся Себастиус. – Он бесполезен! Он белый! Вот что мы с ним сделаем!

Алхимик ловко подхватил тигль с бурлящей в нем зеленоватой жидкостью и швырнул камень туда.

– Четвертая стадия – растворение! – объявил он. – Три дня камень будет растворяться в кипящей эссенции, после чего будет готов к пятой стадии – перевариванию! Смотрите сюда!

Себастиус схватил Ванессу за рукав и подтащил к очередному атанору – огонь в нем пылал очень слабо, а в стеклянной реторте бурлила ослепительно-белая жидкость.

– По окончании переваривания камень снова станет черным! – взвизгнул алхимик, перебегая к другому атанору. – Вот этот уже можно вынимать!

Себастиус вновь подхватил клещи, аккуратно извлек реторту и провозгласил:

– Шестая стадия – дистилляция! Некоторые алхимики считают возможным исключить ее, но это дураки! Дураки! Нельзя исключать дистилляцию, она необходима!

Поколдовав некоторое время у лабораторного стола, Себастиус выкрикнул:

– Седьмая стадия – сублимация! Мы возгоняем несовершенный камень через алхимическую воду, чтобы он снова очистился от черноты, побелел, достиг предельной чистоты… стал белым паром!

Ванесса уже не слушала этих сбивчивых объяснений. У нее болела голова, она ничего толком не различала сквозь окутывающий лабораторию пар, поэтому просто таращилась на мелькающие руки Себастиуса, изредка различая прорывающиеся вопли:

– …восьмая стадия – сепарация! Мы разделяем субстанции!..

– …девятая стадия – размягчение! Мы обращаем сырье в порошок!..

– …десятая стадия – ферментация! Философский камень обретает свой истинный цвет – красный!..

– …одиннадцатая стадия – умножение! Мы доводим камень до окончательного совершенства!..

Ванесса встряхнула головой, вдруг сообразив, что Себастиус уже целую минуту ничего не кричит и не бегает, а молча стоит, широко улыбается и показывает колбу с рубиново-красной, слабо светящейся жидкостью.

– Готово!.. – охрипшим голосом воскликнул он, протягивая Ванессе свое творение.

– Так это и есть философский камень?.. – осторожно взяла колбу девушка. – А почему он жидкий?

– «Камень» – это фигуральное выражение, – отмахнулся Себастиус. – Последние стадии Великого Делания различаются, и в зависимости от их особенностей филофский камень может предстать многогранным кристаллом или вязким тестом, сыпучим порошком или чудесной жидкостью. Я предпочитаю жидкую форму.

– Очень интересно, – задумчиво произнес Креол. – Но у нас философский камень делали по-другому. Всего за пару дней и без этих выкрутасов – все в одном

тигле.

– Да-да, и еще нужна молния! – хмыкнул Себастиус.

– Да, верно. Мы вызывали грозу, били молниями по тиглю и…

– Это называется сухим путем, – перебил Креола Себастиус. – А я использую влажный. Влажный гораздо медленнее, но зато гораздо надежнее. Сухой путь слишком рискован, слишком зависит от случая! И взрывы! Взрывы!

– Да, взрывы у нас были часто… – признал Креол. – Каждый второй алхимик заканчивал жизнь грязным пятном на потолке лаборатории…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rudazov_aleksandr/sovet-dvenadcati

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити